

ЕВГЕНИЯ НИК

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

BAD BOY

Я - ТВОЙ ЯД

18+

Евгения Ник

Плохой парень. Я – твой яд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73478593

SelfPub; 2026

Аннотация

– Юля где? – спрашиваю резко.

Баранов непонимающе хлопает глазами.

– В смысле? А вы, разве не расстались? – медленно тянет он, а затем, будто очнувшись ото сна, быстро шарит взглядом по двору.

От такой подачи на “красивом блюде” прифигел слегка. Расстались? С чего бы? Не просто не расстались, а я планирую на “майские” поездку на Бали, где сделаю Юльке предложение. Чтобы все по красоте и с шикарными фоточками – все, как она любит.

Знал бы, чем все обернется – не стал бы искать.

Я застал свою девушку за изменой. Так грязно и позорно. У меня на глазах. А дальше срыв, драка и мерзкий привкус предательства во рту.

Думал, переживу. Перетопчусь. Забуду. Но когда вновь встретил Коробейникова – понял: нет, так просто я не отпущу тот плевок в лицо и унижение, застрявшее в подборке.

А еще с ним была она – его младшая сестра.

И я решил: раз он забрал мое, я заберу его. Просто использую и вычеркну.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	71
Глава 11	79
Глава 12	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Евгения Ник

Плохой парень. Я – твой яд

Vad Boy. Я – Твой яд

***Внимание!** Данная книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет.*

В тексте присутствует: ненормативная лексика, откровенные сексуальные сцены, эпизоды психологического и физического насилия, сцены курения и распития алкоголя (автор крайне осуждает и не поощряет подобный образ жизни). Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны.

Произведение предназначено исключительно для развлекательного чтения.

Он: Никифор Сергеевич Суворов – 24 года. Студент Медицинского университета. Факультет – стоматология. Грубый, уверенный в себе, злопамятный. После предательства любимой стал циничным и расчетливым. Мстит же-

стоко. Особенно тем, кто ударил по самолюбию.

Она: Нина Станиславовна Коробейникова – 18 лет. Студентка медицинского университета. Будущий стоматолог. Первокурсница, яркая, наивная, любит животных и маленьких детей. Мечтает работать детским стоматологом. Младшая сестра того самого "врага", но не в курсе чужих войн.

Влюбляется впервые – не зная, что является инструментом чужой мести.

Глава 1

Ник

– Юля, ты где? – рычу в динамик, потому что уже в десятый раз пытаюсь добиться от своей девушки ответа на простой вопрос.

– Ой, Ник, тебя так плохо слышно. Повтори еще раз, – мямлит она.

– Я спросил: где ты находишься?

Непонятные звуки, шелест, шум и связь обрывается.

– Пиздец! – реву зверем и бью кулаком по оплетке руля.

Набираю лучшей подруге Юльки, но она не отвечает. Даже не удивлен. “Мы с Тamarой, ходим парой” – девиз моей девушки и ее Таньки.

Решаю пойти обходным путем. Открываю соцсети, у моей голяк – ничего нового. А вот у Тани тьма сторис с какой-то тусовки. Моя рядом. Вглядываюсь в лица на заднем фоне, пытаюсь отыскать хоть кого-то знакомого. Бинго!

– Леха, привет – это Ник Суворов. Узнал?

– О-о-о, Ник! Конечно, я тебя узнал. Че как?

– Все отлично. Слушай, а ты сейчас где?

– Я за городом. У Баранова предки свалили на море, и он дома тусовку устроил. Кстати, а ты че не здесь? Я твою видел вроде...

– Скинь локацию, подъеду, – говорю налегке, но по факту – внутри бомбит.

Через минуту получаю геолокацию и тут же стартую.

Еду как на автопилоте, руки сжимают руль, будто я его душу. Голова шумит. Пятнадцать минут по трассе и сворачиваю к коттеджному поселку. Поворот. Второй. Спускаюсь вниз. Дома на первой линии от берега реки. Вот и нужный. Ворота открыты, но я паркуюсь на улице вдоль забора. Выхожу из машины, музыка, пьяный народ на крыльце с бутылками и сигаретами.

Никаких приветствий. Никого не вижу. Только ищу. Хожу. Пробираюсь сквозь чужие тела и липкие взгляды.

– Суворов? – удивляется Саня Баранов, и на его лице расплывается улыбка. – Да ла-а-дно, сам Суворов у меня в гостях? Охренеть! Алкашку будешь? Покрепче или лайтовое?

– Я за рулем, – бросаю без интереса.

– Понял – принял, – кивает он с умным видом. Нулевку? – оборачивается, машет кому-то рукой. – Э! Вован, пару банок нулевки подгони.

Баранов – типичный ботан-задрот. В очках с толстой оправой. В рубашке, но с расстегнутыми тремя пуговицами – чтобы "выглядеть как мужик". Даже три захудалых волоска проглядываются на его груди. Да уж... Без слез и не взглянешь.

– Ты, кстати, вовремя, – продолжает он, суетливо трогая меня за плечо. – Тут такие девочки приехали! Фитоняшки с

выдающимися задницами. М-м-м, сладкие и на все готовые.

Он ржет. Я даже не улыбаюсь.

– Юля где? – спрашиваю резко.

Баранов непонимающе хлопает глазами.

– В смысле? А вы... разве не расстались? – медленно тянет он, а затем, будто очнувшись ото сна, быстро шарит взглядом по двору.

От такой подачи на “красивом блюде” прихерел слегка. Расстались? С чего бы? Не просто не расстались, а я планирую на майские поездку на Бали, где сделаю Юльке предложение. Чтобы все по красоте и с шикарными фоточками – все, как она любит.

– Не расстались. А если еще раз что-то подобное скажешь, башку откручу.

– Да я же... – заходится в панике. – Ну... вроде с Танькой куда-то отошла. Может, у воды? Или в доме... Ща, я пацанам скажу, пусть найдут.

– Не надо, сам найду, – отрезаю и двигаю в сторону толпы.

Баранов подает голос:

– Если что, у бассейна осторожно – там кто-то наблевал!

Спасибо, блять, полезная информация.

В беседке ее нет. В бане нет. Около обрыганного бассейна тоже. Поднимаю голову и смотрю на двухэтажный дом. За лопатками неприятно скребет, но я отмахиваюсь от склизких мыслей и иду в дом. На первом этаже все точно так же, как и на улице – народ, смех, алкоголь. По углам парочки со-

сутся. Замечаю, что за шторами происходит какая-то суета, подхожу, дергаю их – не моя. Выдыхаю с облегчением. Дальнейший обход первого этажа ничего не дает, поэтому поднимаюсь на второй, толкаю дверь и натурально охреневаю, узнав в белобрысой сосалке лучшую подругу моей девушки.

– Ни-и-ик? – охает “нимфа” оторвавшись от кормушки. – Что ты здесь делаешь?

– Слышь, ты не видишь, тут люди заняты, – кипит рыжий Мухоморчик, быстро заправляя в трусы свою шляпку. – Ты кто такой вообще?

Я смотрю на него и понимаю: передо мной типичный “глянец” с глазами, в которых столько самоуверенности, что можно было бы мазать на хлеб.

Похер как-то. Игнорирую этого рафа на грудном молоке и задаю вопрос Тане:

– Юля где?

Она быстро вытирает губы тыльной стороной ладони, бросает беглый взгляд в сторону окна и снова смотрит на меня.

– Юлек уехала. Полчаса назад еще...

Киваю с усмешкой. Врать кто-то совершенно не умеет.

– Ладно, Танюх, не буду отрывать тебя от вкусняшки. Продолжайте, – вываливаю в коридор. Смотрю на дверь еще одной комнаты, но почему-то чувствую, что моей там нет.

Спускаюсь на первый этаж и сразу выхожу на улицу.

Обхожу дом, ныряю за угол, на задний двор, где басы не так долбят, запах клубничного кальяна не так дает по нозд-

рям и не чувствуется вонь бродилого перегара.

Останавливаюсь.

И вот она.

Моя Юля. Лежит грудью на капоте синей Хонды. С задранной юбкой. А над ней – Кирилл Коробейников. Держит ее за бедра и долбит с такой силой, будто впервые до живой бабы дорвался.

Сопение. Стоны. Его. Ее. Даже не смотрят по сторонам. Ловят полный кайф, не боясь спалиться.

А я стою. Смотрю. И не понимаю, что сильнее: рвота подступает или ярость закипает.

– Ну ты, блядь, охуел, – вылетает, прежде чем я сам осознаю, что сказал это вслух.

Кирилл поворачивает голову и останавливается. Вытаскивает из Юльки ствол и не снимая гондона, натягивает штаны.

– Суворов...

Юля поворачивает голову. Затуманенные, пьяные глаза. Он вообще в говно.

– Ник...

И все. Ни объяснений, ни попытки оторвать свое тело от капота. Только “Ник”. И все на этом.

Сам не замечаю, как оказываюсь около Кирилла. Первый удар – в челюсть, с хрустом. Он отлетает в сторону, но не падает, удержавшись на ногах. Плюет кровь и усмехается.

– А с хера ли мне прилетело?

Коробейников срывается. Влетает в меня с плеча, сбивая

с ног. Падаем на тротуарную плитку, месим друг друга, как два пса за течную сучку. Он бьет в висок, я втыкаю локоть в ребра. Кровь. Маты. Крик Юльки на фоне.

– Прекратите! Остановитесь! Кирилл! Ни-и-ик!

Никто не слушает. Деремся будто не на жизнь, а на смерть. Последний удар в живот Коробейникову. Он хрипит и сгибается в позу эмбриона. Встаю, отхожу на пару шагов назад. Он, с трудом, но тоже поднимается, смотрит исподлобья. Морда вся кровью залита. Рука дрожит. Но Кирилл улыбается.

– Она сама подошла, Ник. Сама задрала юбку, стянула труселя, сама просила. Твоя принцесса – дырка пробитая.

Удар. Глухой, жесткий. Разбиваю ему скулу. Он валится набок, как мешок с дерьмом.

– Лучше не попадайся мне на глаза, Коробейников.

Разворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь, хотя спина чувствует взгляд. Один – позорный, стыдливый, второй – озлобленный, пропитанный яростью. Сука. Главное – не повернуться и не добить.

Выхожу за ворота и замираю. Из такси выходит девушка. В кожанке, короткой юбке и с рюкзаком в руке.

Она разворачивается, немного нагибается и говорит таксисту:

– Я буквально на несколько минут. Подождите, пожалуйста.

– Хорошо, – отвечает водитель.

Девушка выпрямляется и, увидев меня, тянет уголок губ вверх.

– Простите, это дом Саши Баранова?

На секунду подвисяю. И вдруг внутри щелкает. А почему, собственно, не я сегодня должен быть тем, кто срывает чужую юбку?

Улыбаюсь...

Дорогие читатели, хочу заранее предупредить, что у этого романа по моей задумке не будет хэппи энда . Есть истории, которым он просто не нужен.

Если вы готовы ворваться в очень эмоциональную историю – скорее это делайте. Но помните! Я вас предупреждала.

Ваша Евгения Ник

Глава 2

Ник

Она как будто из другого мира.

Свет фонаря цепляется за волосы девушки – длинные, русые с медным отливом, будто разлились по плечам закатом. Ткань белой майки достаточно тонкая, что подсвечивает взору бюстгальтер и позволяет оценить размер груди. Двоечка. Плавная линия талии, короткая юбка, ноги от ушей, губы пухленькие, глаза... черт, глаза – большие и наивные, как у олененка.

– Вы...

Я хмыкаю. На пару секунд думаю соврать. Сказать, что она ошиблась адресом и подкатить к ней яйца, но все же решаю сказать правду.

– Да, – отвечаю. – Ты по верному адресу приехала – это дом Баранова. Он там, – указываю большим пальцем в сторону двора.

– Спасибо.

Пауза.

Голос мягкий, будто прикосновение к уху. Я молчу. Перевариваю. Не понимаю свои ощущения.

Она щурится, глядя на меня, как будто солнце слепит, за-

тем делает шаг ближе, и тут выражение ее лица меняется: глаза расширяются, сомкнутые губы приоткрываются, оголяя белую полоску зубов, густые брови подрагивают.

Понятно. Кровь заметила и в целом, мой потрепанный видок.

– Вы в порядке? – спрашивает она с тревогой. – У вас кровь...

Опускаю глаза – футболка пропитана, рука рассечена, на губах медный привкус. И грязный, как черт.

– Не впервой, – бурчу и пытаюсь обтрясти руки, как будто это поможет.

Она делает шаг ближе.

– Вам надо в дом и промыть раны, обработать... Или скорую вызвать? Вы точно...

– Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Она замирает. Как будто не услышала. Или не поняла. А я смотрю на нее каким-то безумным взглядом, и уже точно знаю: если сейчас не уйду с этой девчонкой, то либо вернусь добивать Коробейникова, либо напьюсь до беспамятства. Она спасение, пусть и на одну ночь.

– Просто... отвлеки меня. Пожалуйста.

Пугается, вижу по ее взгляду. Делает шаг назад.

– Девушка, все в порядке? – таксист высовывается из машины и неодобрительно смотрит на меня. – Эй, парень, ты бы шел себе, не лезь к девчонке, а? – давит с восточным акцентом.

Моргаю, смотрю на таксиста, затем на свою одежду и снова на таксиста. Слишком устал. И слишком не хочется пугать девчонку еще больше. Хотя поздно – у нее в глазах уже тревога, тело напряжено, как струна, будто вот-вот сорвется и побежит с криком о помощи.

– Я не трогаю, – бурчу. – Все нормально, брат. Мы просто разговариваем.

Она качает головой – то ли мне, то ли себе и выходит из машины, давая понять, что не позволит чудить.

– Простите, – выдыхает она, пряча взгляд. – Мне надо идти.

– Ну иди, – отступаю, поднимая руки в воздух, сдаюсь. – Иди. Раз надо.

Говорю спокойно, но внутри все дрожит. Не от боли. От чертовой злости на весь этот вечер.

– Сука...

Она дергается.

– Что? Что вы сказали?

– Забей, – отмахиваюсь. – Я сам с собой.

Таксист упирает руки в бока и уже готов возмутиться.

– Я сказал, все нормально, – повторяю, глядя прямо, не мигая.

– А я говорю: иди уже, – отвечает он с нажимом, делая еще один шаг вперед. – Или я сейчас полицию вызову.

Она – между нами. И вдруг резко бросает:

– Не надо! Все хорошо.

Таксист смотрит на девчонку подозрительно, но кивает.

– Я подожду, если что. Иди – не бойся.

Она кивает. Поворачивается ко мне, и я замечаю, как дрожит ее подбородок. “Ну и трусиха” – тут же проносится в мыслях. Девчонка быстро обходит меня, но в самый последний момент останавливается, копошится в своем рюкзаке, достает пачку влажных салфеток и бутылочку воды. Передает мне.

– Возьмите хотя бы это... – говорит и уходит. Теряется среди пьяной толпы.

А я стою и не могу сдвинуться. Как будто прибит к асфальту. Смотрю ей вслед.

– Твою мать... – шиплю, понимая, как по-идиотски я сейчас выглядел со стороны. Как настоящий маньяк.

– Да-а-а, брат, переборщил ты. Иди домой, умойся и проспишь, – подает голос все тот же таксист.

Отрываю взгляд от пачки салфеток и бутылки с водой в своей руке, смотрю на мужика исподлобья.

– Спасибо. Я бы ее не обидел, – зачем-то поясняю и иду к своей тачке.

Сажусь в машину и сразу захлопываю дверь с таким звуком, будто этим пытаюсь отрезать себя от этого ебаного мира. В закрытом пространстве сразу чувствую запах крови и уличной пыли. Морщусь и открываю бутылку воды, пью жадно, как с похмельюги. Потом тянусь к салфеткам, рывком отрываю наклейку. Вытираю лицо, руки, шею, грудь. Больно –

весь адреналин улетучился, и сейчас я начинаю вкушать отходняки.

Достаю из кармана телефон. На удивление – целый. Ли-стаю контакты.

– Да, Ник, – Ванька, отвечает вялым, полусонным голо-сом.

– Поднимай жопу.

– Ты чего, время видел?

– Видел. Приезжай ко мне.

– Зачем?

– И желательно с телками.

– Ты серьезно сейчас? А Юля?

– Нет больше Юли. Вань, мне надо выключиться или я кого-нибудь убью.

Молчание. Потом короткий смешок. Скорее нервный, чем веселый.

– Ну, ты и псих. Ладно. Будут тебе телки. Через час при-еду.

– Давай через два. Мне надо себя немного в порядок при-вести.

Собираюсь уже завести двигатель, как взгляд цепляется за боковое зеркало.

У дома Баранова стоит она. Одной рукой рюкзак прижи-мает к груди, второй – бурно жестикулирует. Говорит что-то эмоционально. И рядом с ней – второй силуэт. Мужской.

Коробейников Кирилл.

Она вдруг замирает, а затем нежно проводит ладонью по его щеке.

Челюсть сводит.

Вот ведь, сука. Наивная мордашка с оленьими глазами оказалась обычной конвейерной шкурой. А так искусно строила из себя трусиху. А сейчас будет утешать потрепанного ублюдка. Плевать.

Завожу двигатель. Врубаю музыку погромче и со свистом срываюсь с места...

Глава 3

Нина

– Единорожка, ты собралась? – раздается голос брата, который вошел в мою комнату как всегда без стука.

– Кирилл! Ну я же переодеваюсь! – вскрикиваю и прижимаю к груди юбку и рубашку. – отвернись!

– Да ладно, чего я там не видел, – фыркает он, но все же отворачивается.

– Братец, может, все же выйдешь?

– Нин, давай быстрее, уже давно бы нацепила свои тряпки, – продавливают он, приподнимая вверх голову и тяжело вздыхая.

Поглядываю на него с недоверием. Отворачиваюсь, быстро натягиваю одежду, поправляю чулки, застегиваю пуговицы на рубашке.

– Все, – бросаю. – Можешь разворачиваться, извращенец семейный.

– Слава богу, – отвечает Кирилл.

Мы одновременно разворачиваемся.

– Единорожка, ты куда в такой юбке намылилась? – Кир вздергивает бровь и наклоняет голову набок.

– Короткая?

– Ну как бы – да, – скалится. Подходит ближе, дергает

меня за рукав. – Нам через пятнадцать минут выезжать, а ты как будто в ночной клуб нарядилась.

– Сейчас переоденусь, жди.

Брат закатывает глаза, хватает мою сумку и направляется к двери. И пока он уходит, я выдыхаю, смотрюсь в зеркало. Юбка сидит, рубашка застегнута, чулки не ползут. Только вот сердце, как бешеное. Переживаю, впишусь ли или снова окажусь белой вороной и игрушкой для битья, за которую вечно вступается старший брат?

Дергаю плечами, подхожу к шкафу и снимаю с плечиков другую юбку.

Выхожу из дома. Кирилл ждет у машины. Облокотился на капот, сжимает сигарету в пальцах.

– Долго же ты собиралась, – лениво говорит, даже не глядя.

– Ты сам сказал, что юбка, как у шлюшки, – фыркаю.

– Я не говорил, что она шлюшачья. Я лишь намекнул, что короткая. А ты уже там сама дорисовала себе, – кидает в ответ, усмехаясь краешком губ.

Залезаю в салон, чувствую на себе его взгляд, как будто рентгеновский. И вот это, самое стремное. Вечно все ему не так.

– Что? – не выдерживаю.

– Да ничего. Просто... дерганная какая-то. Все нормально? – говорит после паузы.

– Нормальная я. Кирилл, все хорошо. Просто немного пе-

реживаю.

– Нин, ты помнишь? – давит тоном, заводя мотор.

– В случае чего сразу говорить тебе, и ты всех моих обидчиков размотаешь, как Тузик грелку. Да, Кирилл, я все помню.

– Вот и славненько, – тянется и треплет меня по щеке.

– Ну-у-у, не надо так делать! – взвизгиваю и отворачиваю голову в сторону. – Ты самый жуткий брат на свете.

– С чего бы? А я думал, самый лучший, самый любящий и самый заботливый.

– И самый душевный, все контролирующий и вечно подзревающий.

– Нин, я просто тебя опекаю, – устало выдыхает он.

– Я знаю...

Остаток пути мы едем в молчании. Он включает музыку, пальцами отстукивает ритм по рулю. Знаю этот жест – он нервничает. Хочет что-то сказать, но не решается. И слава богу. Потому что я сама на грани от нервов.

Приезжаем к кафе, чтобы позавтракать, и я замечаю знакомые лица из школы, в которой я училась. Замедляю шаг, почти останавливаюсь.

– Поехали в другое место.

– Что? Нет, все нормально. Не хочу, чтобы они подумали, что я из-за них ушла.

– Нин... если кто-то начнет опять свои приколы... Я быстро рот закрою. Им. Не себе, – добавляет, криво усмехнув-

шись.

Я вздыхаю, выдергиваю руку, и в груди все переворачивается.

– Кир, ты не обязан меня защищать все время. Я справлюсь.

Брат бросает на меня недовольный взгляд, но ничего не говорит. Молча идет впереди, словно живой щит. Прячусь за спиной Кирилла и уже жалею, что настояла остаться.

Воздух здесь пахнет кофе, корицей и яичницей.

– Смотри, наши “запретные” идут, – доносится откуда-то сбоку.

Голос въедливый, липкий, словно жвачка на подошве. И вся эта грязь тянется за мной сквозь время. Со школы.

“У нас в классе девочка есть, ее брат так обнимал и по заднице хлопал. Ну знаешь... как будто не сестру. Прикинь? Говорят, они спят вместе...”. “Жесть, говорят, ее брат каждый день трахает, пока родители на работе...”. “Фу-у-у... Я слышал, они в одной комнате живут и в одной кровати вместе спят...”

И каких еще слухов не ходило вокруг меня.

Мне было семнадцать. Когда они начали шептаться. Ржать. Снимали видео, как я сажусь в машину Кирилла, когда он забирал меня со школы. Потом выкладывали в закрытые чаты. Подписывали гифками и мерзкими комментариями. А я... я просто хотела провалиться под землю от стыда. И в какой-то момент начала ездить на автобусе. Только бы

не видеть, как они скалятся.

“У всех братья, как братья, а у нее... он еще и бойфренд на полставки!”

Все дошло до того, что однажды меня подловили мои одноклассники, утащили за школу и поставили на колени.

– Сделай мне приятно, – оскалился одноклассник – Леша Шухов. – А потом ему, – указал большим пальцем на Витю Сорокина.

Само собой, отказалась. Более того, у меня случилась истерика. А еще... меня избили, и я на неделю попала в больницу с сотрясением мозга и жуткими гематомами.

Моя мама и отец Кирилла тогда обратились с заявлением в полицию. После чего всю школу трясло безумно. А еще туда наведался Кирилл. Я умоляла – не надо, но он все равно пришел. Разговаривал с директором, с учителями, с моими одноклассниками, не как родители, а жестче.

А потом... те, кто больше всего меня травили, оказались и сами на больничной койке. Виноватых не нашли, но я догадывалась, кто это сделал.

Вернулась в школу через месяц. Меня перевели в параллельный класс. “Тех самых” – вообще убрали из школы. Но пленка уже осталась. Память всем не стереть.

“Ну, брат и сестра, да. Только не по крови. Вот они и решили, значит, можно. Фуууу... мерзость!”

Продолжились перешептывания и в новом классе.

Я садилась на последнюю парту одна, училась молча, сжи-

мая от обиды зубы. А Кирилл каждый день встречал меня у школы. Делал вид, что все в порядке.

Несколько раз у меня случались нервные срывы. Мама не знала, что со мной делать. Никто не знал. Поэтому я стала постоянным посетителем психолога.

Ах да. Наша семья.

Мы с Кириллом не родные брат и сестра – сводные. Моя мама и Александр Петрович поженились, когда мне было тринадцать лет. Кириллу на тот момент только-только девятнадцать исполнилось. В то время его рядом не было – он тогда жил с матерью. К нам переехал гораздо позже, когда мне было шестнадцать.

Позже, когда я получала свой первый паспорт, мама настояла, чтобы я взяла фамилию “Коробейникова”, чтобы ни у кого не возникало лишних вопросов.

Я согласилась.

Александр Петрович замечательный мужчина, который безумно любит мою маму. Ко мне он всегда относился с теплом. Кирилл тоже. Подшучивал, но по-доброму, помогал с учебой, никогда не отказывался, если мама просила отвезти меня в художку или в бассейн.

В общем, мы были самой обычной семьей.

Но люди жестоки и всегда найдут до чего докопаться. И, увы, мне “повезло” попасть под выдуманные сплетни.

– Нин, ты чего? – Кирилл кидает на меня быстрый взгляд, пока я подхожу к столику. – Побледнела вся.

– Все нормально, – шепчу.

Я сажусь, стараюсь не смотреть по сторонам, но вижу знакомое лицо. Та же стрижка, только волосы теперь крашенные в блонд. Оля. Гнида та еще. Именно она подошла ко мне на выпускном и прошептала: *“Ну и как, Кирюша, в постели, а?”*. Из-за этого у меня случился очередной срыв. Подняться на сцену и получить аттестат, я так и не смогла. Мама потом забирала его в кабинете директора.

Оля смотрит на меня. Улыбается. У них с подружкой латте и выражение лиц такое же – с издевкой и высокомерием.

Отворачиваюсь.

– Может, свалим все-таки? – тихо говорит Кирилл. – Я вижу их. Могу не сдержаться.

– Нет. Я не убегаю больше. Пусть смотрят. Я не та, что была раньше.

Он внимательно на меня смотрит. А потом вдруг мягко кладет ладонь мне на колено под столом.

– Не бойся, я с тобой, – тихо говорит.

Никто не видит этого касания, но...

Я вздрагиваю, бледнею, застывая ледяной статуей.

Глава 4

Нина

Он что, с ума сошел? Мы в кафе. Среди людей. Напротив, Оля Сурнина с подружкой. Может, она и не видит, куда он положил руку, но я-то чувствую. И кажется, что мое лицо выдает все.

Неуютно. Словно на меня вдруг натянули чужую кожу и как будто тело перестало быть моим.

Тихо отодвигаю стул. Не резко. Не хочу, чтобы кто-то что-то понял, но достаточно, чтобы ладонь брата соскользнула с моего колена. Когда это происходит, некоторое время я еще ощущаю фантомное тепло в том месте, где он касался.

Кирилл смотрит на меня и взгляд у него... странный. Сначала, кажется, что с вопросом. Потом с легким напряжением. И только потом он отводит глаза, как будто ничего не было. Как будто я выставила его сейчас... тем самым из сплетен. Сразу становится стыдно.

Идиотка. Я и правда сумасшедшая? Придумываю всякое, чего нет. Это ведь был просто жест поддержки? Ну... типа, по-семейному.

Но на физическом уровне все не так. Тело выворачивает. Оно будто скулит: “Не та точка. Не тот взгляд. Не тот момент”.

– Прости, – говорит он, будто почувствовал. – Просто...

я знаю, как тебе тяжело.

Киваю, не глядя на него. Кое-как запихиваю в себя еду.

За моей спиной кто-то смеется. Звонко и мерзко. Почему-то мне кажется, что обсуждают нас. Когда я с Кириллом вне дома, то всегда в напряжении. Будто заранее ожидаю, что весь мир смотрит на нас с пренебрежением.

Делаю глоток кофе. В горле все встает. Начинаю кашлять. Понимаю, что в этом приступе привлекаю всеобщее внимание, вскакиваю со стула и уношусь в туалет.

Подставляю ладонки, набираю ледяную воду и пью ее. Плевать мне сейчас на то, чистая она или нет. Какие там микробы и тому подобное. В горле еще немного першит, но кашля уже нет. Стряхиваю воду с рук, и в этот момент дверь открывается. В туалет входит Оля с какой-то девушкой. Медленно поворачиваю голову. Она смотрит прямо на меня. Лицо невинное, но улыбка подлая.

Медленно вдыхаю и впервые за все время, смотрю ей в глаза. Прямо, открыто, без страха.

– Хочешь селфи? – говорю громко, четко. – А то ты спокойно мимо меня пройти не можешь.

У нее на секунду дергается бровь. У подружки челюсть наполовину отпала.

Попала точно в яблочко.

И мне вдруг легче становится. Чувство, что я все-таки окрепла и уже не та, которую можно толкнуть в угол и плюнуть сверху.

– Коробка, ты че, совсем страх потеряла? – Оля подходит ко мне вплотную, на лице смесь гнева и отвращения. – Мразь, ты на кого рот открыла, потаскуха дешевая?

Я не успеваю и слова сказать, потому что в следующее мгновение она бьет локтем прямо в мой живот. Из груди вырывается глухой стон, и я складываюсь от боли пополам. Тяжело дышу, глаза широко распахнуты, в голове звенит.

– Идем, Оксан, а то здесь дерьмом воняет, – бросает она своей подруге.

Я слышу неторопливое цоканье каблуков, затем легкий хлопок двери. И наступает тишина.

Сжимаю пальцы в кулак, опираюсь на раковину и выпрямляюсь. Смотрю на себя в зеркало.

Изменилась? Да ни черта я не изменилась.

Подбородок начинает предательски трястись, а глаза искрятся слезами.

– Единорожка?

Вздрагиваю. Громко шмыгаю носом и смахиваю слезы. Не слышала, как открылась дверь и вошел брат.

– Ты плакала?

Кирилл подходит, кладет руки на мои плечи и разворачивает к себе, заглядывает в мои глаза.

– Что случилось?

– Я...

Не могу. Я просто не могу ему жаловаться. Но... эта забо-

та... Вышибает из меня все на свете. Вновь шмыгаю, крепко прижимаюсь к большой и сильной груди брата и прикрываю глаза.

– Ты скажешь мне, что произошло?

– Просто переписывалась. Ты же меня знаешь.

– Нин, если бы я мог, то поступил бы снова на первый курс и учился бы с тобой за одной партой. Но... я уже почти отстрелялся. Последний год остался. Но... я буду за тобой приглядывать. Обещаю, – гладит по спине, уткнувшись подбородком в мою голову.

– Угу. Спасибо, – шепчу в ответ. – Поехали. Не хочу опоздать.

Выходим из туалета. Возвращаемся к столику, где лежат наши вещи. Кирилл бросает пару купюр на стол и берет мою сумку.

Пока выходим, я чувствую, как Сурнина сверлит мне спину взглядом. Не оборачиваюсь. И вообще, надеюсь, больше не увижу ее.

Всю дорогу до универа, Кирилл рассказывал про преподав и их "приколы" и "загоны".

– Я тебе все покажу, как приедем, – подводит итог.

– Да я сама... Разберусь как-нибудь.

– Единорожка, – бросает строгий взгляд и ловит мою ладонь. – Может, хватит меня все время отталкивать? Я помочь пытаюсь.

– Просто не хочу, чтобы ты нянчился со мной и здесь.

– Мне несложно, – усмехается.

– И еще. Прекрати меня называть детским прозвищем.

Кирилл фыркает, чуть крепче сжимает мою руку.

– Тебе восемнадцать исполнилось меньше месяца назад и все, сразу повзрослела?

– Представь себе – да, – парирую в ответ. – Скоро на свидания начну бегать, дома и не застанете, – отшучиваюсь, освобождая руку из его захвата.

Повисает пауза. Искося смотрю на Кирилла и замечаю, что он напряжен. Даже вены на шее выступили тугими прутьями.

Медленно отворачиваюсь к окну, и остаток пути мы едем в полном молчании.

Около университета толпа. Первое сентября. На удивление стоит жара. Вокруг гул голосов, у всех в глазах смесь паники и эйфории. Кто-то смеется, кто-то курит в сторонке, кто-то уже успел облиться кофе. Первокурсники мечутся с бумажками.

Мы с Кириллом стоим чуть в стороне.

Я тоже начинаю ловить панику. Держусь за ремешок сумки двумя руками, как за спасательный круг. Губы сухие, хотя только что пила минералку. Брат стоит рядом, высокий, уверенный, в черной футболке, джинсах и с кожаным стильным рюкзаком на одно плечо. Весь такой крутой. Замечаю, как на него поглядывают девушки. Улыбаюсь. Знаю, что он кра-

савчик. У него четкие скулы, пухловатые губы, брови, часто сдвинутые в легком недоумении или раздражении, как будто ему в принципе редко что нравится. Темно-серые, почти синие, глаза. Цепкий взгляд, будто всегда оценивает: враг ты или интересная игра. Волосы всегда в небрежной укладке. Да и за телом он всегда следит, занимаясь спортом практически каждый день.

– Кажется, ты тут популярен.

– А? С чего ты взяла? – Кирилл переводит на меня непонимающий взгляд.

– С того, что девушки обращают на тебя внимание.

– Да на здоровье, – усмехается он.

Ему тут привычно. Мне пока что как в другом измерении.

– Вон, – говорит, кивая в сторону компании у входа. –

Мои. Идем, познакомлю.

Подводит меня.

– Всем привет, это Нина. Моя... сестра. Сводная сестра, – делает ударение.

На меня с интересом смотрят шесть пар глаз. Кто-то протягивает руку и представляется. Кто-то кивает с уважением. Одна девушка хмурится, будто не ожидала, что у Кирилла вообще есть “сестра”.

– Прошу приглядывать за моей младшенькой, – добавляет он с легкой усмешкой. – Но! Парни, даже не вздумайте подкатывать. У нее левый хук похлеще, чем у меня.

Все смеются. Я краснею.

– Кирилл, не позорь меня, – бурчу и, кажется, готова провалиться под землю от стыда. – Я пойду...

Брат торопливо прощается со всеми, и мы проходим по аллее, где на каждой скамейке тусуются будущие врачи.

– Я провожу тебя к группе.

– Да я сама бы дошла, – бормочу.

Он хмыкает.

– Я в четвертом корпусе, ты в третьем. Это по пути, Нин, не надумывай.

– Я, вообще-то, взрослая. Ты ведь не будешь каждый день меня провожать, – фыркаю.

– Взрослая, но у тебя дрожали руки, когда одна тварь с тобой пересеклась в кафе сегодня.

Останавливаюсь и смотрю на него. Он говорит это без упрека. Просто констатирует.

– Кирилл, я справлюсь. Не надо провожать. Хватит, правда, ты не делаешь лучше.

– Твоя группа там, – указывает он пальцем. Если что – пиши, – разворачивается и уходит по коридору направо.

Обиделся?

Стою, провожая брата взглядом до тех пор, пока его фигура не теряется в толпе. Вздыхаю, поворачиваю голову и встречаюсь глазами с Сурниной.

Да, той самой, с которой я уже сегодня виделась. Стоит и смотрит на меня с таким выражением на лице, будто говорит: “Угадай, кто теперь твоя одноклассница”.

– Нинэль?! – растягивает она. – Офигеть! Ты здесь, что ли, будешь учиться?! – притворно улыбается и машет мне рукой.

Глава 5

Ник

Первое сентября. Последний год в универе и я, по идее, на финишной прямой. Свободен. Хотя какое там... Меня уже давно распределили. Не в буквальном смысле, конечно, но попробуй выбейся из колеи, по которой до тебя прошли поколения.

Брат с дедом, считай, уже по календарю дни зачеркивают и ждут, когда я, наконец, присоединюсь к нашему бизнесу. У нас семейная стоматологическая клиника – "Клиника Суворовых". В городе имя громкое, и не просто так. Дед – легенда, именно его и знали многие, как одного из лучших стоматологов-хирургов в городе. Отец был уважаемым ортопедом, жаль ушел рано. Не справился с пневмонией. Мой родной брат, Борис, или, как многие его называют – Бор, старше меня на пять лет, и, как будто по шаблону, пошел по стопам нашего деда. Хотя формально главным считается он, возраст уже берет свое, и фактически всем заправляет брат. Он и ждет, когда я подключусь – тянуть на себе клинику с двумя филиалами одному ему тяжело.

А я... Никифор Суворов, и у меня не было шанса стать кем-то другим.

Так что когда я родился, вопроса "кем хочешь стать, когда вырастешь" передо мной даже не стояло. С самого детства

знал, как пахнет стерильность, как выглядит кабинет с лампой в глаза, и чем отличается хороший слепок челюсти от дерьмового. Пока другие мечтали стать пилотами, военными или пожарниками, я знал – мне светит только одно направление: стоматология.

Но проблема в том, что никогда этим не горел. Вообще. Я не из тех, кто кайфует от ковыряния в чужих ртах. Мне всегда было куда интереснее, как работает семейный бизнес, как дед руководит этой махиной, почему люди идут именно к нам, что можно сделать, чтобы клиника приносила еще больше пользы и прибыли. Особенно второе.

Маркетинг, управление, бренд, стратегии и результат этого – деньги. Вот где у меня загораются глаза.

Но старик в этом плане непробиваем. Его логика железная: “Раз ты хочешь управлять клиникой – будь добр понять ее изнутри. Пациенты тебе будут доверять только тогда, когда ты сам пройдешь через все этапы – от первого зуба и далее...”

И спорить с дедом, у которого в наградах и городские премии, и грамоты, и благодарственные письма – себе дороже.

Так что вот я здесь. Стоматфак, шестой курс, последний год. Получу заветную корочку и через девять месяцев войду в двери “Клиники Суворовых”, как полноценная часть династии.

Буду ли я счастлив? Да. Когда займусь управлением клиникой, а не лечением зубов.

– Ник, ты че завис? – спрашивает Сиротин и прослеживает за моим взглядом. – А... вижу. Коробейников? Вы так и враждуете?

– Кто с ним? – спрашиваю, не сводя с девушки глаз. Могу поклясться, что видел ее раньше. Вот только когда и где?

– Понял. Ну ничего такая вау-баба. Но... Не советую. Это его младшая сестра, он за малую шкуру сдерет с тебя. Тогда точно будет уже настоящая бойня.

Перевожу взгляд на Ваньку.

– Думаешь, мне не похер?

– Ник, не надо, я тебе говорю. Она ж малая совсем.

Я еще раз глянул на нее.

Длинные волосы, острый подбородок, стоит, покусывает губу, как та, кто постоянно глотает эмоции, чтобы не выдать что-нибудь сгоряча. Слегка испуганный взгляд, типичный для первокурсницы.

Сиротин что-то там еще втирает мне про пары, преподавателей и сраный график, но я уже не слышу. Думаю только о ней.

Кто ты? Кто ты, мать твою?

И тут меня перещелкивает.

Ее глаза... Это же олененок. Девчонка, с которой я столкнулся сразу после драки с Коробейниковым. И та, которую принял за очередную шкуру. Так она... его сестра?

– Ник, ты че лыбишься? – спрашивает Сиротин.

Перевожу на друга взгляд.

– Ладно, я пошел. На парах встретимся.

– Эй, в смысле? Бля, Суворов, ты куда?

Но я уже не слышу.

Вижу, как девчонка под конвоем братца идет в здание универа. Коробейников рядом – широкий в плечах, идет, будто всех по обочине сдувает, лишь бы никто и рядом с его сестрой не оказался. Контрол-фрик*, не иначе.

Интересно.

Держусь позади, но достаточно близко, чтобы не потерять из виду. Кажется, они спорят. Но неожиданно завершают разговор, и он с нескрываемым нервяком на лице уходит в сторону нашего корпуса. Девчонка зависает, будто ее на паузу поставили, и смотрит, как ее брат-мудак уходит. Затем разворачивается и какая-то соска обращается к ней “Нинэль”.

Пиздец, это реально ее имя?

Пока размышляю над тем, идет ли оно ей или нет. Она уже подходит к группе студентов. Та, что обращалась к ней по имени, подплывает и кладет свою руку на ее плечо, словно давняя подруга. Вот только... Олененок вся сжалась, а лицо такое, что в гроб краше кладут.

Иду в их сторону. Подхожу чуть сбоку, будто просто прохожу мимо. Потом резко делаю шаг в сторону, плечом задеваю ее, достаточно, чтобы она обернулась.

– Ой, извини, – говорю с самым невинным видом, хотя внутри уже включился “режим охоты”.

Девчонка хмурит брови, будто ей больно. Смотрит на меня.

Переборщил? Вроде слегка совсем задел.

– Все нормально, – отвечает сухо. Голос немного осипший или... черт, да он сексуальный.

– Подожди... Ты ведь... – я прищуриваюсь, делая вид, что вспоминаю. – Помнишь лето, тусовку на даче...

Она смотрит с подозрением, потом чуть ведет плечом в попытках скинуть руку своей подружки, а я замечаю, как в ее взгляде промелькивает раздражение. Мимолетное, но такое настоящее.

О, вот это уже очень и очень интересно.

– Не помнишь? – я все так же держу маску дружелюбного дебила. – Дача Баранова, музыка на всю округу, все пьяные в хлам. Или нет? Да ладно, я не мог обознаться. Это была не ты?

Она морщит лоб, а подружка ее сует нос куда не звали:

– Ого, Нинэль, не думала, что ты по дачам разгуливаешь еще, – голос противный, как сладкий медовый сироп. Только меда в нем с гульки хуй – сахар голимый. А проще говоря: подделка.

Перевожу на нее взгляд. Вылизанная, ногти такие, что ими грядки копать без лопаты можно, губы накаченные. И в глазах столько зависти, что я даже ртом шевелить не хочу в ее сторону.

Олененок рядом как будто скукоживается сильнее.

Ага. Не подружка. Понял.

– Точно, – говорю и щелкаю пальцами, как будто вспомнил. – Ты тогда искала кого-то.

Она слабо кивает. Губы чуть дернулись.

– Брата. Да, кажется, я помню тебя.

– Слушай, сколько у тебя пар? Может, пропустим первую и выпьем кофе? Все равно ничего важного не будет, – спрашиваю и, не дожидаясь ответа, киваю в сторону выхода.

– Я...

Подружка делает шаг вперед, будто пытается вклиниться между нами, но я вежливо поднимаю руку:

– Секундочку. Нам с Ниной есть о чем поговорить.

Она колеблется, но я уже мягко касаюсь ее локтя. Ненавязчиво. Олененок еще секунду думает, потом, к моему удивлению, делает шаг в мою сторону.

– Я не могу, первый курс же. Вдруг что-то пропущу.

– Тогда немного отойдем, – улыбаюсь, глядя ей в глаза.

– Только ненадолго, – голос все еще тихий, но в нем появляется хоть что-то живое.

И вот мы идем по коридору к окнам. Туда, где можно спокойно поговорить. Чуть замедляюсь, чтобы она не думала, будто я ее куда-то тащу. Она молчит.

– У тебя, кстати, не очень лицо было, когда она к тебе подошла. – говорю, словно между прочим.

– Кто? – делает вид, что не понимает, но голос выдал.

– Мадам с когтями пумы. Та, что хочет выглядеть как Бар-

би, но вышла бабой после бодуна.

– Это... Оля, – отвечает через паузу. – Мы не общаемся.

– Так и подумал.

Она фыркает. Живая реакция.

Смотрю на нее, и меня уже не отпускает.

– Ладно. Раз уж я спас тебя от нее... Может, правда кофе выпьем? Не прямо сейчас. Не паникуй. Просто как-нибудь.

За знакомство. Я Ник, кстати.

– Нина, – отвечает почти шепотом.

– Знаю, – улыбаюсь. – В смысле, слышал, как та обращалась к тебе “Нинэль”, но интуитивно понял, что тебя иначе зовут.

И пока она только поднимает на меня глаза, я делаю шаг вперед и говорю:

– Тебе идет Нина, – голос ниже, спокойнее, мягче.

Щеки чуть порозовели. Немного склоняет голову, прячется за волосами. Даже ресницы дрожат.

– Спасибо, – выдыхает, будто не знает, что с этим делать.

Я чуть склоняю голову, глядя на нее с ленивой полуулыбкой.

– Не за что.

– Слушай, если эта дама тебя достает... Ты скажи. Я помогу ее успокоить

– Не надо. Все в порядке.

– Точно? – прищуриваюсь. – Сомневаюсь.

Нина чуть опускает взгляд, и голос у нее становится тише:

– Не люблю конфликтовать.

– А я люблю, – пожимаю плечами. – Особенно если есть за кого.

И тут ее глаза цепляются за мои. Вот оно. Поймал.

– Я правда должна идти, – произносит, делая шаг назад.

Не поймал. Ошибся.

– Так не держу. Но... – достаю телефон. – Обменяемся контактами? Просто чтобы у тебя был номер психологической поддержки, на случай, если что-нибудь случится.

Она медлит. Долго. Но все же берет мой телефон. Печатает номер.

– Все. Только не названивай – лучше пиши.

– Окей. Обещаю не звонить.

– Пока, Ник.

– Пока, Нина.

Мы расходимся в разные стороны.

Пересекаю холл широкими шагами и победно улыбаюсь. Теперь у нас с Коробейниковым будет не просто вражда.

Потому что его сестра – это уже личное. И, надеюсь, достаточно болевое.

*Контрол-фрик – так называют человека, чье стремление к контролю напоминает одержимость.

Глава 6

Нина

Наверное, если бы не Сурнина, то не стала бы разговаривать с ним. Всегда опасаясь таких знакомств. Но все чего мне хотелось, оказаться подальше от Оли, ее насмешливого взгляда и подколов. И еще... я действительно его вспомнила. Этот Ник чем-то цепляет. Сейчас он казался дружелюбным, но тогда, летом... Что-то в нем было не так. Какой-то диссонанс. Хотя тогда все было странным.

Мысленно погружаюсь в тот день.

Шум и запах алкоголя вперемишку с едой, парфюмом и чем-то неприятным. Музыка долбила так, что грохало в груди. Свет мигал, люди смеялись, кто-то танцевал на газоне, а кто-то на столе в беседке, кто-то целовался в кустах, а я ходила между ними, будто чужая.

Искала брата. Родители улетели в отпуск, и мы остались в доме вдвоем. Утром поссорились по мелочи, но на повышенных тонах. Он хлопнул дверью и ушел, оставив ключи на кухонном столе. На звонки не отвечал. Лишь одно короткое сообщение пришло спустя несколько часов: «Я у Баранова. Тусовка на Береговой». И тишина. О том, когда вернется ни слова.

Я старалась не накручивать себя, но чем ближе было к

ночи, тем сильнее разносило по нервам. Тем более что ранним утром у меня рейс – улетала к бабушке.

– Вы не видели Кирилла Коробейникова? – спросила, перекрикивая музыку, какого-то парня, показавшегося мне вполне адекватным.

Не угадала.

– Че? Бля, нет, Кирилла никакого не видел, – заржал он и окатил меня своим липким взглядом с головы до ног. Как жирный слизняк.

– Простите, – сделала шаг в сторону и начала разворачиваться.

– Воу, куда собралась?

Он дернул меня за руку и развернул к себе.

– Давай пообщаемся? Выьем, потанцуем...

– Нет. Мне некогда. Я ищу... – слово "брат" застряло в горле. – Кирилла...

– Ки-рилла... хуилла... – протянул нараспев. – Забей, я за него сегодня. Сашка. А как тебя зовут, красотка?

Попыталась выдернуть руку, но он снова дернул меня, словно тряпичную куклу и буквально впечатал в себя. Посмотрел в глаза, совершенно ненормальным взглядом, а затем... Переместил руку на затылок, и все тревожные кнопки моего организма тут же загорелись красным сигналом "опасность". Не знаю, откуда я взяла в себе силы, но резко толкнула его в грудь и ударила коленом в пах.

– Я сказала мне некогда!

Сорвалась и даже не оглядываясь назад, понеслась сквозь толпу. И только свернув за угол дома, замедлилась, стараюсь выровнять дыхание и успокоить дрожь в теле.

Прошла через двор, через террасу, мимо какой-то пары, которая выясняла отношения. По крикам ясно, что их расставание будет громким. Толкнула дверь и вошла в дом, где воняло дымом, чипсами и выпивкой. Обошла весь первый этаж и не найдя брата, пошла искать на втором. И тогда я его увидела.

Кирилл стоял у раковины в ванной. Его рубашка валялась на полу, грязная, в алых пятнах. Он мыл руки с таким остервенением, словно пытался стереть что-то страшное, что-то, что впиталось в кожу. Шагнула ближе и увидела, что он тщательно отмывал мутную, засохшую грязь в трещинах кожи и под ногтями.

Заметив в зеркало, что я стою позади него – выругался.

– Блять, Нина! Что ты здесь делаешь?!

– Я тебя ищу.

– За каким хером? – резко. Почти рычанием.

– Ключи... Ты оставил их дома. Я же уезжаю, ты забыл?

– Давай ключи и уходи, – выдал чуть спокойнее, но голос все еще как натянутый канат. На его скуле расплылся свежий синяк, губа была рассечена.

– Кир... что с тобой? Ты подрался?

– Поскользнулся в бассейне и упал на плитку, – бросил с раздражением. Потом опустил голову, оперся о раковину и

замолчал.

– Врешь.

– Твою мать, ты можешь просто отстать?

Я сделала еще один шаг вперед, коснулась его, но он отдернул руку, как от огня.

– Кирилл? – шепнула. – За что ты на меня злишься с самого утра?

Не ответил. Только мрачно посмотрел на себя в зеркало. Затем поднял с пола рубашку, брезгливо осмотрел ее и накинул на тело. Протянул руку.

– Ключи давай и шуруй домой, собирай свои тряпки и вали, куда ты там намылилась.

Его грубость окончательно довела меня. И психанув, бросила ему ключи, сорвалась и понеслась на улицу. Было одно желание – прыгнуть в такси и как можно скорее оказаться дома. А рано утром приехать в аэропорт, чтобы улететь на месяц к бабушке в Ейск.

Я почти добежала до ворот, когда услышала за спиной быстрые шаги. Не оборачиваясь, ускорила шаг, направляясь к такси. Водитель уже начал выходить, видимо, заметив меня сквозь толпу.

– Нина! – голос Кирилла хлестнул по спине, как плеть. – Стой!

Я встала, но не обернулась. Сжала лямку рюкзака так, что побелели костяшки пальцев.

– Подожди, – он догнал, встал рядом и развернул к себе. –

Отъедь пока, – бросил, махнув рукой водителю.

– Девушка? Все в порядке? – мужчина посмотрел на меня, сдвинув к переносице брови.

– Да, все хорошо, это мой брат. Это я его искала.

Он пожал плечами, сел обратно в машину, отъехал к обочине и заглушил мотор.

– Что тебе еще надо? – прошипела, разворачиваясь.

Он молчал. Стоял передо мной, покачиваясь на ногах, будто не знал, с чего начать.

– Я не хотел, чтобы ты все это видела. Такие места вообще не для тебя, – наконец сказал. – Зачем приехала? Я бы вернулся домой к утру сам. Ладно, забили. Я отвезу тебя.

– Не надо. Такси уже... – взмахнула руками.

– Я отвезу, – голос стал тверже.

Он смотрел на меня, не моргая, будто хотел еще что-то сказать, но слова застряли в горле.

И тогда я не выдержала. Медленно, будто во сне, протянула руку и коснулась его щеки. На коже под пальцами почувствовала горячий синяк. От моего прикосновения брат слегка поморщился. Скользнула ниже – щетина и чуть дрожащая челюсть. Он не отстранился, не сдвинулся даже, только сжал губы и закрыл глаза на секунду.

– Кир... – прошептала я. – Что за хаос ты сегодня устроил? Это же не ты?

– Ты недостаточно хорошо меня знаешь, Единорожка, – выдохнул, склонил голову. – Даже несмотря на то, что мы

живем под одной крышей. Не такой уж я и хороший, как видишь, – сказал и кивнул – не мне, а куда-то в сторону такси. – Поезжайте.

– Нет, Кир, он мне помогал... и ждал так долго.

Брат ничего не ответил, подошел к мужчине, протянул ему две купюры. Что-то сказал, похлопал рукой по крыше машины. Таксист кивнул, что-то пробурчал в ответ и, развернувшись, медленно укатил в сторону главной дороги.

– Пошли, – сказал, не дожидаясь, пока я что-то отвечу. Повернулся и направился вперед. Шел чуть вразвалку, как обычно, когда злился, но уже без прежнего накала. Просто усталый, помятый, измученный.

Я стояла секунду, потом тяжело выдохнула и пошла за ним. Села рядом, хлопнув дверью. Он завел двигатель и посмотрел на меня краем глаза.

– Чтобы писала и звонила мне. Аэропорт в Сочи, потом в поезде, в автобусе. Везде. Поняла?

– Так ты из-за этого разозлился? – буркнула, глядя в окно.

– Нина, до этого гребаного Ейска добираться через жопу мира, с тремя пересадками. Да, мне не нравится, что ты не сказала и все сделала втихушку.

– Не втихушку. Мама знала. Она разрешила.

– Наши предки на отдыхе, у них там, видимо, мозги солнцем окончательно растопило.

– Кирилл...

Он включил фары и вырулил с парковки. Всю дорогу до дома мы ехали, молча. А потом он проводил меня в аэропорт, после чего я улетела к бабушке...

Замечаю боковым зрением, что у парты кто-то остановился. Поднимаю взгляд.

– Здесь не занято? – улыбается светловолосая девушка с зелеными глазами, как у кошки.

Убираю со стула сумку и слегка улыбаюсь в ответ.

– Да, конечно.

– Меня Ира зовут.

– Очень приятно. Я Нина.

– Вот и познакомились, – улыбается она, достает из рюкзака тетрадь и ручку.

В аудиторию входит преподаватель.

Первый учебный день начался... Но почему-то радости у меня совершенно нет.

Слегка оборачиваюсь, ловлю взглядом Сурнину. Она смотрит на меня с ехидной улыбкой, а затем показывает средний палец.

“Сучка” – читаю по ее губам, дергаюсь, как от пощечины и резко отворачиваюсь.

Глава 7

Ник

Не девушка, а нечто. Пока не могу ее разгадать. Нереальная красотка, при этом если она сестра Коробейникова, то и с деньгами там все в порядке, но ведет себя, словно забитая серая мышь. Уверенности в ней – ноль. В голове не укладывается такой контраст.

Перевожу внимание на смартфон, что лежит на краю стола. Беру его в руки и открываю соцсети. Ну что, поиграем немного в сталкера?

Рано радовался.

Через пять минут поисков разочарованно откладываю смарт в сторону и подпираю подбородок рукой.

Как такое вообще возможно? Ни в одной соцсети ее нет. Пробил страничку Коробейникова, но и там все фотографии только с ним: с разными бабами, в компании друзей и тому подобное. С Ниной ни-ху-я.

Откидываюсь на спинку стула, глядя в одну точку перед собой. Вот уж не думал, что в двадцать первом веке можно наткнуться на человека без цифрового следа. Хотя нет. Я нашел ее страничку в ВК, но кроме имени и фамилии там ничего нет. И судя по дате последнего визита, Нина не заходила туда с весны. Девочка-призрак.

Будет сложно с ней. А может, и нет. С виду она наивная

дура и что-то мне подсказывает, что так и есть.

Сажусь ровнее и записываю для себя пару заметок. Надо выяснить: с кем она общается, кто ее друзья; чем дышит в свободное время.

Телефон снова вибрирует. Сиротин шлет очередное тупое видео, над которым я должен смеяться.

– Ха-ха, блять, – бурчу себе под нос.

Закрываю окно чата. Пытаюсь сосредоточиться на том, что пытается влить в наши умы преподаватель. Но все мысли только о ней. Эта походка, как будто она извиняется перед всем миром. Опущенный взгляд, волосы, собранные в низкий хвост и глаза, от которых пробирает, когда она смотрит прямо. Даже слегка жалко использовать такую, чтобы потом выбросить, как грязную тряпку.

На перемене ко мне пристаёт Сиротин.

– И куда ты свалил тогда?

– Отлить ходил, – бросаю без эмоций.

– Сделаю вид, что поверил. За девчонкой пошел? И как успехи?

Перевожу на Ваньку взгляд и устало выдыхаю. Вот что прилип?

– Успехи успешно, – роняю на выходе из аудитории.

В коридоре воздух будто плотнее, и каждый шаг отдается в голове эхом. Ванька плетется за мной, ковыряясь в телефоне. Видимо, хочет продолжить разговор.

– Познакомился с ней? И как? Рассказывай уже. Обломали тебя, да? – спрашивает он, но в голосе слышится смесь интереса и насмешки.

Вздыхаю, стараюсь выглядеть максимально спокойно, но ведь бесит. Впервые лучший друг настолько раздражает, что хочется ему втащить.

– Давай позже поговорим, – говорю и киваю в сторону лестницы. – Пошел я.

Сиротин останавливается, видимо, понимает, что не стоит лезть. Сворачиваю за угол и сталкиваюсь взглядом с Ниной. Пару секунд, не больше, и она отворачивается от меня с таким видом, будто мы вообще не знакомы. Рядом с ней – брат.

Коробейников стоит ко мне спиной, кладет одну руку ей на плечо и слегка подталкивает вперед, второй указывает в сторону лестницы на первый этаж.

Сердце тут же разгоняется. Ладони потеют. До сих пор не могу спокойно на него реагировать. Отворачиваюсь, иду по коридору к другому спуску. На первом этаже сталкиваюсь с той, что строила из себя “подружку” Нины.

– Привет, – улыбается, кокетливо стрельнув глазами.

Молча иду, не реагируя на нее, пока моего локтя не касается ее рука.

– Стой... Меня Оля зовут, а ты... Никифор, да? Суворов...

Уже и это пробила. Ведь я не называл свое полное имя.

Ну все ясно с ней. Оборачиваюсь через плечо.

– Ну и? Что ты хотела?

– Если ты ищешь Нину, то она уже ушла, – усмехается. –

Почти уверена, что ее брат забрал. Она всегда с ним.

Останавливаюсь. Теперь смотрю на девицу с интересом.

– Прямо всегда-всегда? Откуда знаешь?

– Так, мы с Коробейниковой давно знакомы. В одном классе учились, – широко улыбается. – Она тихая, но у Кирилла всегда глаз на ней, и он реально жестко ее контролирует. Никого близко не подпускает.

Качаю головой, пытаюсь скрыть раздражение. В ее голосе скользит ядовитый подтекст, но она так старается казаться дружелюбной, что это даже смешно.

– Ты же о ней ничего не знаешь, я правильно понимаю? – осторожно спрашивает она. – Могу рассказать.

Набираю полную грудь воздуха. На выдохе говорю:

– Тогда в кофейню? Не против пропустить пару?

– Да хоть все! – выпаливает, и ее глаза тут же загораются огоньком.

Я прекрасно понимаю, что эта Оля, никакая не подруга Нине, а если и вовсе быть откровенным, то полная стерва, но сейчас на это пофиг. Мне нужна любая информация, и если она готова мне ее дать, то почему бы не воспользоваться этим шансом?

Мы идем по коридору, она рядом, вышагивает, виляя бедрами, словно кошка, которая уже решила, что я буду ее ко-

тиком. Только усмехаюсь. Совершенно не слушаю бред, что летит из ее рта, но периодически киваю.

В кофейне выбираем столик на летней веранде. Благо погода еще позволяет.

– Ну что, Оля, – говорю, усаживаясь напротив. – Рассказывай.

Она задумчиво дует губы бантиком, подцепляет ногтями меню и утыкается в него, будто ей интересно. А я тянусь к чашке с кофе идвигаю к ней ближе. Свою – к себе.

– Свидание.

– Что? – поднимаю бровь и тут же растираю лоб ладонью. – Ты о чем?

– Я хочу, чтобы ты пригласил меня на свидание. Тогда... расскажу кое-что интересное про Нину. Она не такая простушка, какой кажется.

Наклоняюсь ближе.

– А ты хитрая, Оля.

– Ты мне понравился. Но, судя по всему, ты запал на Коробейникову, так что... Я буду рада хотя бы одному свиданию, а там... Кто знает, может, ты изменишь курс внимания на другую девушку

Слегка улыбаюсь, чувствуя, как поднимается внутренняя буря из раздражения и любопытства.

– Звучит заманчиво, – говорю спокойно, – Но я не тот человек, который легко меняет курс по первому щелчку пальцев. Глупая игра, Оль.

Она откидывается назад, хитро прищуривается.

– А мне нравится, – протягивает руку через стол и касается моей. – Просто поверь, оно того стоит. У меня для тебя есть пара интересных историй про Нину и ее братца. Но только если ты докажешь, что стоишь моего времени.

– Я стою? – спрашиваю, играя с чашкой. – А ты не охрелела ли?

– Я знаю себе цену, – тут же отвечает, даже глазом не моргнув. – Ну... В любом случае решать тебе, – кокетливо улыбается.

Честно, хочется встать и уйти, потому что все это попахивает тупым разводом, но что-то цепляет. То ли жажда узнать о Нине хоть что-то, то ли простое мужское упрямство.

– Ладно, – небрежно роняю, – одно свидание. Но не думай, что это что-то изменит.

– Посмотрим...

Она встает, берет из моей руки чашку, делает глоток, ставит ее обратно на стол и направляется к выходу.

– Забери меня завтра после пар.

Глава 8

Нина

Кирилл бросает на меня взгляд исподлобья и говорит:

– Мы решим вопрос с твоим переводом в другую группу.

Все тело льдом сковывает, но я каким-то образом еще двигаюсь.

Подходим к столику, брат ставит поднос и тут же отодвигает передо мной стул.

– Прекрати, – тихо, но вкрадчиво говорю.

– Что?

– Мы же в университетской столовке, а ты ведешь себя как...

– Как кто? – вздергивает бровь. – Ну?

– Как принц голубых кровей, что только что на отлично сдал экзамен по придворному этикету.

Фыркает, даже не скрывая ухмылки, и опускается на стул напротив.

– Я просто отодвинул стул, а ты даже из-за этого бесишься. Нин, у тебя месячные? – кидает он и аккуратно поправляет салфетку, на которой лежат приборы.

Закатываю глаза. Молча беру свою тарелку с картофельным пюре и котлетой, и пиалу с винегретом. Только есть мне

совершенно не хочется. Поэтому я вяло ковыряюсь вилкой в салате и без остановки вздыхаю.

– Мне тебя, как маленькую кормить или сама начнешь? – давит Кир.

Поднимаю взгляд. Смотрю на брата не меньше пяти секунд, а затем выпаливаю:

– Я тебе запрещаю влезать в мое обучение. Это не твое дело!

– Ты не будешь учиться с ней в одной группе, – спокойно говорит он.

– Мне плевать на Сурнину. Никуда я не буду переводиться, – сминаю салфетку и откидываю ее в сторону. – Не лезь, Кир.

– Ты в школе мало слез пролила? Хочешь по второму кругу пройти этот ад? – говорит все так же спокойно.

Именно из-за этого становится только хуже. Голос брата буквально пропитан сталью. Взгляд не отводит.

– Это моя жизнь, – твержу, вцепившись пальцами в край стола. – Моя. И я не прошу тебя спасти меня от Сурниной.

– Но будешь, – кидает он, все также спокойно. – Когда снова будешь рыдать в подушку, когда снова перестанешь жрать, и когда снова начнешь списывать последние страницы тетрадей, фразами о том, что ты нормальная.

Сердце сжимается. К горлу подступает какой-то мерзкий, удушающий клубок.

– Ты не понимаешь. Сейчас все по-другому. Я справля-

юсь, Кирилл.

– Ты не должна "справляться", – его голос чуть охрип. – Ты должна спокойно учиться. Без этого вечного напряжения и страха, что тебя снова унижат или выставят душой перед всей группой. Я не дам им снова сломать тебя, поняла?

– Ты не мой опекун! – срываюсь. – Не отец, не мать. Ты просто брат! Сводный брат. Даже неродной.

Он замолкает. На секунду. На полторы. А потом медленно говорит:

– Да. Просто брат. Который видел весь пиздец, что происходил с тобой последние два года. – Резко осекается, откидывается на спинку стула и сжимает в кулаке вилку.

Тишина. Только звяканье приборов за соседними столиками и чья-то несмешная шутка за спиной.

Отвожу взгляд.

– Сейчас все не так. Я сильнее и не хочу постоянно убеждать, – шепчу.

Он вздыхает. Усталым, надтреснутым вздохом.

– Единорожка...

– Кир, правда, не надо.

– Оке. Но, если она только пальцем тебя тронет. Урою суку и не посмотрю, что она девушка.

Сглатываю тот самый ком. Беру вилку и без слов начинаю есть картофельное пюре и котлету. Он молча кивает, будто это единственное, что ему сейчас нужно.

Когда со "вторым" покончено, поворачиваю голову и за-

мечаю свою соседку по парте. Сидит в гордом одиночестве у окна.

– Кир, я пойду, – встаю со стула и беру в руки пиалу с винегретом и кружку.

– Ты куда? – смотрит удивленно.

– Там... Девушка с моей группы.

– Первая подружка? – растягивает рот в улыбке.

– Нет, ну какая подруга, мы только познакомились. Просто она... одна сидит.

– Ладно, беги. Я все равно уже доел, пока ты тут губы дула.

– Пока, Кир, – бросаю на ходу и припускаю к своей соседке по парте.

Сержантова Ира – высокая, худая, с правильной осанкой и длинной косой. Но все-таки первое, что бросилось при взгляде на нее, это глаза – ледяные, колкие. У меня сразу создалось впечатление, что она точно может за себя постоять. Чувствуется в ней стальной стержень. То, чем я не могу похвастаться.

Сейчас я могу лучше ее рассмотреть. Выглядит скромно. Вроде бы просто вязанный свитер, явно не брендовый, недорогой, а все равно, смотрится интересно, со вкусом.

А еще... я увидела в ее взгляде что-то очень знакомое. Усталость, что ли. Или осторожность. Как будто она тоже все время кого-то опасается.

– Привет, еще раз. Могу с тобой пообедать? – спрашиваю с легкой улыбкой на лице.

С Ирой мы немного поговорили сегодня, и она показалась мне хорошей девушкой. Так что, надеюсь, я сейчас не буду послана.

Она чуть приподнимает взгляд, будто не сразу сообразив, что я обращаюсь именно к ней. Потом кивает, и пальцем показывает на свободный стул напротив.

– Конечно. Только не обижайся, если я сейчас больше жевать буду, чем разговаривать.

– Да я... тоже не самый разговорчивый человек, – внезапно признаюсь и дико смущаюсь. Господи, это провал. Мне восемнадцать, но я совершенно не умею общаться.

– Тебя тоже выбесил Богомоллов? – Ира вдруг спрашивает с набитым ртом. – Он трижды задал один и тот же вопрос, а потом орал, что никто не слушает. Но я так и не поняла, что нужно было ответить. А ты?

– Я тоже. Да и вопрос глупый. “Что такое зуб?”.

– Глупый, а все в пня вошли и ответить никто не смог, – усмехается она.

– Потому что это был вопрос с подвохом. Сейчас я понимаю, что Петр Викторович ждал от нас, что-то вроде “Зуб – это орган ротовой полости, образованный тканями различного происхождения...” и его функции.

– Чувствую, будет весело на его парах.

– Да уж, – киваю и делаю глоток теплого чая.

– Кстати, а кто тот красавчик, с которым ты сидела? Я обратила на вас внимание. Твой парень? Он так смотрел на

тебя... М-м-м...

Меня слегка передергивает. Опускаю взгляд и поджимаю губы.

– Ты ошиблась. Кир, он... мой брат. И немного перебарщивает с заботой. Вот порой и смотрит, как безумный. Если бы он мог, поставил бы мне GPS-чип в голову.

Ира улыбается.

– Ну все ясно с вами. Слушай, а ты нормальная, – говорит она. – Я сначала подумала, что ты совсем тихоня, а ты просто скромняжка-милашка.

Я чуть не давлюсь винегретом.

– Это сейчас был комплимент?

– Почти, – подмигивает Ира. – Слишком скромной и милой быть сложно в нашем мире. Волки сожрут. Так что... такой себе комплимент. Согласна?

Пожимаю плечами, так и не решаясь посмотреть ей в глаза.

– Наверное...

– Слушай, а ты где живешь? Может, после пар вместе домой поедем? – спрашивает Ира, допивая чай.

Я на секунду замираю. В голове сразу всплывает наш новый дом, в который мы переехали с родителями в начале этого лета. Особняк с колоннами и черепичной крышей, за высоким забором и шлагбаумом, на охраняемой территории. И по правде говоря, я даже не знаю, где там ближайшая остановка общественного транспорта и есть ли она вообще.

И вот как мне сейчас это все объяснять? Что, мол, извини, я из параллельной реальности и добираюсь домой исключительно на машине с братом или на такси?

Смотрю на Иру. Видно, что она из простой семьи. И вдруг становится стыдно. Не за дом, а за то, что не могу о нем спокойно рассказать. Что боюсь, как это воспримется. Мы ведь только общаться начали...

– Я... в пригороде Советского района живу, – не глядя на нее, отвечаю.

– Правда? А я в Первомайском. Отлично, до “Разъезда” вместе поедem, – кивает она.

Натягиваю улыбку и мы без слов поднимаемся и идем в аудиторию.

Оставшиеся две пары пролетают практически незаметно. А после них я вместе с Ирой плетусь в сторону автобусной остановки.

Кириллу об этом решила не говорить и перевела телефон в авиарежим. Знаю же, что он тупо предложит довезти Иру до дома.

А я... просто хочу немного свободы.

Глава 9

Нина

Ну конечно, вот только дождя мне и не хватало.

Ира вышла на “Разъезде”, а я для вида проехала еще несколько остановок и вышла, потому что мне нужно совершенно в другую сторону. Но автобусы туда точно не идут. По крайней мере, они никогда не встречались мне по пути домой.

Достаю из сумки телефон, снимаю авиарежим. Тут же начинают лететь сообщения от брата и даже от мамы. И конечно же, мой смарт тут же оживает и на экране высвечивается входящий “Кирилл”.

– Ч-черт... – выдыхаю, чувствуя, как поднимается волна гнева.

Да, я уже успела прочесть парочку его сообщений. Там полный вынос мозга.

– Да, Кир, – отвечаю, замученным голосом.

– Ты где?

– Я еду домой.

– Какого хрена? – тут же срывается. – Блять, Нина, да что с тобой такое сегодня? Я чуть с ума не сошел, ждал тебя на парковке пятнадцать минут, потом весь универ обошел, оборвал телефон звонками. Ты нахрена так делаешь?

– Я же не просила меня забирать после пар.

Повисает пауза. Густая и тяжелая, как дождевые тучи над головой.

– То есть, по-твоему, нормально просто выключить телефон и исчезнуть? – говорит тихо, но от этого его голос звучит только страшнее. – А предупредить? Чтобы я как кретин не ждал тебя?

– Я не исчезала, – бурчу. – Просто... хотела одна добратся. Да я даже не одна была, а с Ирой.

– И где ты сейчас? Только не ври, что дома, я слышу шум улицы... Иногда мне прибить тебя хочется.

– Кирилл! – срываюсь я. – Себя прибей! Сама доберусь. Все, пока.

Сжимаю зубы, пытаюсь не разреветься от обиды. В груди тяжесть, будто туда налили холодного свинца. Рука с зажатым в ней телефоном, безвольно опускается, словно плеть. Смотрю на серое небо, и как назло, снова начинает моросить дождь.

– Достал... – выдыхаю вместе со всхлипом.

Вытираю ладонью щеки, даже не замечая, когда начали течь слезы. Горло першит, сердце стучит в висках. Хочется просто исчезнуть. Раствориться в этом сером городе, как капля в луже.

Вновь поднимаю руку, смотрю на телефон, снимаю блокировку с экрана. Открываю контакты, чтобы позвонить маме и предупредить, что все хорошо. Но и она тоже устраивает мне выволочку.

– Нина, ну разве так делается? Кирилл мне раза три звонил, чтобы узнать, не вернулась ли ты домой. Он как дурак ждал тебя около университета.

– Мам, да я же не просила меня ждать и вообще быть моим личным водителем. Деньги есть – вернулась бы на такси. В чем проблема?

– Так, ладно, вижу, что ты уже заведенная. Дома поговорим. Сейчас-то ты где? – говорит голосом строгой учительницы.

Икаю от вновь нахлынувшей обиды.

– С девочкой из группы гуляю, – бессовестно вру.

– Поняла. Когда домой вернешься?

– Мам, я не знаю, что вы все, словно няньки надо мной трясетесь! – срываюсь. – Погуляю и приеду.

– Нина! Это что еще за тон?

– Обычный тон, мам. Вернусь на такси. Сама.

И не прощаясь скидываю звонок. Смотрю на экран. Палец висит в воздухе над ярлычком такси.

Нет. Домой не хочу. Не могу. Не сейчас.

И вдруг вспышка мысли. Совсем неожиданная, дикая и совершенно мне несвойственная.

Ник. Парень, который сегодня подошел ко мне. Открываю чат в мессенджере и замираю. Сердце будто затаило дыхание. Кончики пальцев похолодели, даже иголки по ним забегали.

Я: Привет. Это Нина, как прошел первый учебный день?

Быстро отправляю сообщение, даже не успев передумать. И стою, держа телефон обеими руками, как спасательный круг. Хотя не исключаю того, что это мой якорь...

В сети. Как быстро! Я даже не думала, что он так быстро увидит мое сообщение.

Ник: Привет! Первый день – тюлень. Думал, усну на парах. Ты чем занимаешься?

Я: Гуляю. Погода, как раз располагает.

Ник: Думаешь? Кстати, предложение выпить кофе еще в силе.

Я: Могу сейчас...

Отправляю и зажмуриваю глаза. Да что я творю?!

Телефон в руке оживает. Вздрагиваю, открываю глаза и вижу на экране входящий – “Ник”.

– Привет, еще раз, – робко отвечаю.

– Прости, что позвонил. Ничего же?

– Нет, все в порядке.

– Где ты находишься? Я подъеду и посидим в какой-нибудь кофейне.

– Эм-м... Ник, ты лучше скажи, куда мне приехать. Я просто сейчас в нескольких остановках от “Разъезда”, далеко-то от цивилизации, как понимаешь.

– Даже боюсь спрашивать, что ты там делаешь, – усмехается он. – Если подождешь минут пятнадцать, я тебя заберу.

Закусываю губу. Первая мысль: отказаться, но затем приходит вторая – даже если я вызову такси, оно ведь тоже будет

ехать какое-то время.

– Хорошо. Я подожду, – выпаливаю и прикусываю большой палец.

– А локация? Где именно тебя там искать?

– Я буду на остановке.

– Ладно. Понял. Скоро буду, – говорит он и скидывает звонок.

Не могу поверить, что я сама написала, можно сказать, первому встречному парню. Да еще и планирую встретиться с ним.

Сажусь на край лавки у остановки, скрестив ноги. Выгляжу, наверное, как потерянный ежик в тумане.

Проходит двенадцать минут. А я так и сижу, не меняя позы. Всплакнула даже из-за своей семейки.

У остановки паркуется черная Ауди. Окно опускается – он.

Ник улыбается и подмигивает мне.

– Принцесса на мокрой остановке, – усмехается он. – Быстрее в машину, пока не стала русалкой.

Улыбаюсь, краснея до кончиков ушей. Вскакиваю с лавки, перепрыгиваю лужи и быстро забираюсь в салон.

Тепло. Тихо. Пахнет дорогим парфюмом и кожей.

– Сильно замерзла? Я вроде быстро долетел, – улыбается, глядя на меня.

– Не особо, – пожимаю плечами.

На самом деле, безумно продрогла до костей. Внутри все

вибрацией ходит.

Он смотрит на меня боковым зрением, трогается с места.

– Ладно. Тогда скорее за горячим кофе, чтобы ты согрелась.

– Хорошо. Спасибо, Ник, – стараюсь говорить беззаботно, но голос все равно дрожит, и мы оба это слышим.

Он прибавляет температуру в салоне. Вновь поворачивается, смотрит на меня и каким-то легким, ничего не значащим движением смахивает капли с моей щеки.

– Я надеюсь, это не слезы? – спрашивает, слегка сведя к переносице брови.

– Нет. Это дождь... – бормочу и отвожу взгляд в окно, где все размазано каплями.

К счастью, Ник не лезет, в отличие от брата, который бы уже вывернул всю мою душу наизнанку допросами или удушьющей заботой. Ник же, не задает вопросов, не играет в спасателя. Просто кивнул, будто принял версию про дождь за чистую монету. Но я-то чувствую: понял.

Машина мягко едет по мокрому асфальту. Он включает музыку. Негромко. Что-то ненавязчивое, но такое приятное, что мне хочется прослушать этот трек еще раз.

– Что это играет? – задаю вопрос.

– Sula Fray “Не по радио”, – отзывается и делает чуть громче. – Нравится? – тянет уголок губ вверх.

– Очень. Можно... повторить?

– Да, конечно. Еще не согрелась? – пробегаются взглядом

и возвращает внимание к дороге. – Ты до сих пор дрожишь.
– Скоро пройдет.

Он заводит руку назад, тянется, а затем передает мне свою кожаную куртку.

– Накинь.

– Спасибо, – голос так глупо срывается на какой-то скрип.

Отстегиваю ремень безопасности, быстро кутаюсь в его куртку. Странно, она лежала на заднем сидении, а теплая. Приятно тяжелая. А запах какой... Он не просто приятный – он его. Пряный, терпкий, немного сладкий, но с ноткой табака и свежести. Пахнет мужчиной.

Пристегиваюсь обратно, делаю глубокий вдох, и сердце предательски вздрагивает, а затем набирает обороты. Что со мной? От какой-то куртки вынесло напрочь, расплавил словно воск.

Через несколько минут меня начинает немного отпускать. А еще через пару – он паркуется у небольшого, но уютного кафе.

Ник выходит первым, подбегает к моей двери и распахивает ее. Протягивает руку.

– Спасибо, – начинаю снимать куртку, чтобы вернуть

– Не снимай. Оставь...

Накрывает мою руку своей, очень аккуратно берет за запястье и тянет за собой.

Заходим в кафе. Маленькие круглые столики, на каждом милейшая дутая вазочка высотой меньше ладони, а в них

стоят небольшие хризантемы. В заведении мягкий свет, запах свежей выпечки и кофе. Почти пусто. Девушка за стойкой узнает Ника и машет ему рукой.

– Привет, красавчик, – тянет она с улыбкой. – Как всегда? – спрашивает, затем переводит взгляд на меня и понимает, что я вместе с ним. – Здравствуйте, Катя.

– Добрый день, – улыбаюсь. – Нина.

– Очень приятно.

– Нина, что ты будешь? – спрашивает Ник.

– Латте.

– И все?

– Д-да, только кофе.

Ухмыляется с оттенком снисходительности и говорит:

– Кать, нам еще шу с лимоном, булочку с кардамоном и мне... сама знаешь.

– Так, повторим заказ. Один латте, один капучино, как всегда покрепче – я помню Ник, – шу с лимоном и булочка с кардамоном. Все верно?

– Да, – отвечает он, и, не отпуская мою руку, ведет к столику в самом в углу, подальше от входа.

– Здесь хорошо, – тихо говорю, осматриваясь.

– Да. Тут всегда уютно и спокойно. А еще в этом заведении самая лучшая выпечка в городе, а кофе, – он мечтательно закатывает глаза и усмехается. – Скоро поймешь, о чем я говорю. Сама подсядешь на это место.

Я смотрю на него. Улыбаюсь. Ник интересный, очень лег-

кий в общении.

– Ник?

– М?

– Спасибо, что приехал. На самом деле, ты мне очень помог. Я совсем не хотела ехать домой.

– Спасибо, что согласилась выпить со мной кофе. У тебя что-то случилось?

– Нет... Не совсем. Просто немного поцапалась с семьей.

В кармане в очередной раз вибрирует телефон. Достаяю, смотрю на экран. *Кирилл. 7 сообщений. 3 пропущенных.*

Ник замечает, как я резко сжимаю смарт в руке.

– А вот и родные, да?

– Угу, – буркаю, включаю авиарежим, бросаю телефон в сумку, поднимаю на него взгляд и улыбаюсь.

Глава 10

Нина

В столовой царит тишина. Только звуки столовых приборов и редкие вздохи мамы. Тяжелые, уставшие, как будто каждый вдох ей дается с трудом. Она молчит. И Александр Петрович молчит. Только брови хмурит и иногда бросает на меня немного осуждающие взгляды. Кирилл и вовсе, даже не скрывает своей злости. Тоже молчит, но все и так написано на его лице. А я сижу, как на минном поле, и не знаю, в какую сторону пошевелиться, чтобы все не взорвалось.

Не могу есть. Размазываю по тарелке еду. Брат смотрит в сторону, специально не на меня. Он даже вилку держит так, будто готов вонзить ее в меня. Точнее, в ту версию, которая поехала гулять, пока он стоял около универа, дожидаясь меня, как идиот.

Делаю вдох. Один. Второй. Слова не лезут в горло. Хоть бы просто “прости”. Но оно застряло где-то между “не жалю”, и “справилась сама, без вашей опеки”.

Внезапно тишину нарушает мама. С шумом откладывает вилку. Смотрит на меня. Долго. Очень долго. Как будто заново пытается понять, кто я. Что со мной не так.

– Мы волновались, – говорит, глядя с холодком.

– Я просто хотела... – заикаюсь, и тут же замираю. Потому что дальше ничего нет. Опускаю руки и сжимаю их в ку-

лаки под столом, чтобы никто не видел. Перевожу взгляд на брата. – Кирилл, извини, что не предупредила тебя и уехала одна. В следующий раз обязательно скажу, чтобы ты зря не ждал меня.

Брат встает. Резко. Стул с грохотом на пол.

– Не парься. Забили...

Он уходит. И только тогда я понимаю, что мои руки дрожат, а к лицу, кажется, прилила вся кровь и закипела. Так, я полыхаю.

Мама смотрит в тарелку и тоже залилась краской.

– Нина, – строго говорит Александр Петрович. – Да, ты совершеннолетняя девушка, но знаешь, это еще не делает тебя взрослой. И твой поступок только подтверждает это, – голос твердый, без надрыва, но каждое слово – иголкой под кожу.

Поднимаю на него глаза. Он редко вмешивается. Обычно наблюдает со стороны, пока мама выговаривает или отчитывает меня. Но не сегодня.

– Взрослость – это не когда сбежала и наплевала, – продолжает он. – Это когда несешь ответственность. За себя. За других. За последствия. А ты что? Смылась без предупреждения, отключила телефон. Нина, у Кирилла тоже есть дела, есть практика в моей клинике, а ты... Это несерьезно.

Зубы стиснуты до боли. А внутри все сжимается в маленький, ядовитый ком. Не то из-за вины, не то из-за злости.

– Понимаю и отчасти согласна, но я ведь не просила меня ждать. Мы даже не договаривались, что он заберет меня по-

сле пар, – вырывается с надрывом. Голос дрожит.

Александр Петрович смотрит на меня, медленно выдыхает. В его глазах – разочарование. За все время, что мы единая семья, он впервые так смотрит на меня.

– Нет, не просила. Но мы думали, что ты часть семьи. А в семье, Нина, друг друга предупреждают. Просто из уважения. Не потому, что обязаны, а потому что любят. Мы все тебя любим, заботимся и не понимаем, такого поведения.

Отвожу взгляд. Потому что если посмотрю ему в глаза, то разревусь, а я не хочу этого делать.

Мама поднимается из-за стола.

– Нина, уборка стола, сегодня на тебе, – сухо бросает на ходу.

– С Кириллом разбирайтесь сами. Но я, все же хотел бы, чтобы в те дни, когда вы заканчиваете учебу в одно время – возвращались вместе. Такси – это, конечно, прекрасно, но... – Александр Петрович делает паузу, подбирая слова. – Безопасность – это не шутка.

Он встает. Спокойно, по-отцовски подходит и целует меня в макушку. И уходит, оставляя после себя тишину.

Убираю все тарелки в посудомоечную машину, то, что лучше в ней не мыть, убираю в мойку и мою руками. Протираю стол. Через десять минут осматриваю столовую. Чистота.

Вытираю руки о кухонное полотенце, вешаю его и иду в свою спальню. Но по пути останавливаюсь перед дверью

в комнату Кирилла. Ни звуков, ни музыки не доносится. Непривычная тишина.

Сомкнув губы, начинаю разворачиваться, и в этот момент дверь открывается с резким звуком. Кирилл появляется на пороге. В черной футболке, синих джинсах и кожаной куртке.

Он смотрит на меня, но не говорит ничего. Просто задевает плечом, как бы случайно, и идет мимо.

– Куда ты? – спрашиваю. Голос невольно дрожит.

– Не твое дело, – отвечает глухо, даже не оборачиваясь.

Его шаги становятся все тише, потом дверь на первом этаже захлопывается и становится совсем тихо.

Захожу в свою комнату, падаю на кровать, надеваю наушники. Прикрываю глаза, слушаю Sabrina Carpenter и сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Утром просыпаюсь оттого, что кто-то трясет меня за плечо.

– Нина, ты просыпаться сегодня думаешь или нет?

Открываю глаза. Кир стоит передо мной в брюках и с голым торсом, футболку-поло держит в руке.

– Да, а сколько времени? – отвечаю сквозь зевоту.

– Время столько, что первую пару мы уже пропускаем.

– Ты тоже проспал? – поднимаюсь на локте и наконец-то способна нормально сфокусировать взгляд.

– Ага, – лениво бросает он, разворачивается и идет в сторону выхода из моей спальни. – У тебя на все про все не бо-

лее десяти минут, – останавливается в дверях. – Ну или вызывай себе такси.

– Кир! – выпаливаю, замерев взглядом на его широкой спине. – Я с тобой...

– Оке. Тогда вставай.

– Угу, – отвожу в сторону взгляд. – Я быстро.

Открываю шкаф, вытаскиваю джинсы наугад и рубашку, первую что под руку попалась.

Плетусь в ванную, умываюсь, хватаю щетку. Смотрю на себя в зеркало – мятая, с глазами панды. Да уж, красота неопишуемая. Даже нет времени на то, чтобы привести себя в порядок. Единственное, что успеваю, пару раз махнуть по ресницам тушью.

Через девять минут, с сумкой в руке и наспех заплетенной косой, вылетаю из комнаты. Кирилл уже стоит на улице у своей машины. Куртка застегнута, в руке ключи, в другой – небольшая сумка. Как всегда, идеальный. Хотя уверена, что спал он от силы пару часов.

– Уложились, – выдыхаю, застегивая молнию на куртке.

– Ага, держи конфетку, – говорит без улыбки, но в голосе уже нет прежней ледяной злости. Просто усталость. А еще... он на самом деле бросает мне маленькую карамельку.

Открывает пассажирскую дверь и ждет, когда я сяду в машину.

– Спасибо, – тихо говорю ему.

– Оу, то есть на территории дома тебя не парит такое от-

ношение?

– Кир... Не начинай.

Он поднимает руки в примирительном жесте. Молча закрывает дверь и идет к водительскому месту. Садится, заводит двигатель и плавно трогается.

Минут пять мы едем молча. Но потом меня прорывает.

– Тебя сегодня дикие кошки драли?

Кир бросает на меня беглый взгляд.

– Не понял? Ты о чем?

– Ты себя в зеркало сегодня видел? У тебя вся спина исцарапана. И... вот тут... – показываю на шею, где бьется синяя венка. – ... у тебя огромный засос.

Он резко дергает рулем, но быстро выравнивает курс. Моргнул, сжал челюсть. И тишина. Как будто ничего не услышал. Только пальцы на руле сжались сильнее, скрипнули по коже на оплетке руля.

– Хорошо погулял? – усмехаюсь.

– Ага, отлично.

Смотрю в окно.

– Твоя новая терапия?

Он усмехается. Первый раз за утро.

– Почему нет. Ты не поверишь, как помогает от злости.

– Буду иметь в виду, – роняю.

– Я тебе сейчас по лбу щелкну за такие мысли.

– Вы мужики, смешные такие. Значит, вам можно со всеми направо и налево, а девушкам – нет?

– Именно, единорожка.

– Н-но это несправедливо, – хмыкаю.

– Ой, да что ты. А мир, знаешь ли, вообще несправедлив.

Закатываю глаза, но уголки губ предательски дергаются

вверх.

– Прямо философ хренов, – бормочу.

– Спасибо.

– Ты в курсе, что ты самый невыносимый брат на свете?

– Охеренный, – не говорит, а утверждает. На мгновение

наши взгляды встречаются.

Пауза. Потом он делает вдох и, уже спокойнее, говорит:

– У меня сегодня меньше пар. Уеду раньше. Так что домой

– сама.

– Без проблем.

Кир ничего не отвечает. Только слегка поджимает губы.

– Еще раз, прости за вчера. Надо было предупредить тебя,

чтобы не было недопониманий.

– Забыли.

Тащу носом воздух. Тянусь и целую брата в колючую щеку. Улыбаюсь.

– Ты – охеренный брат. Согласна.

Машина плавно останавливается на светофоре и Кир медленно поворачивает голову. Глаза у него темные, внимательные. Становится неуютно. Будто между нами воздух стал слишком плотным.

– Ты так на меня смотришь... Я что, тушь размазала? –

говоря с усмешкой.

Он моргает, будто выныривает из морских глубин. Легкий кивок. Улыбка, почти невесомая.

– Нет, – хрипло говорит, опуская взгляд обратно на дорогу. – Все нормально.

Светофор переключается. Машина едет дальше. А мне почему-то не по себе.

Глава 11

Ник

Нина.

Нина, Нина, Нина... Тепличная девочка. Даже не припомню, встречал ли я подобных ей. Милая, наивная, но слишком осторожная и, как мне показалось – наблюдательная.

Интересно посидел с ней в кофейне.

– Значит, стоматология. Почему выбрала именно этот факультет?

Я строил из себя дурачка, который ничего о ней не знает. Но, поскольку она тоже Коробейникова, то кое-что мне было уже известно.

– Моя мама и отчим стоматологи. Они вместе работают в его клинике и, в общем-то... как-то оно, само собой, все вышло, – улыбнулась она и подняла на меня взгляд. – Медицина всегда привлекала. Даже был период, когда я хотела стать педиатром, но потом передумала. Нагрузка дикая.

– Педиатром? Реально? – поморщился я. – Ты детей любишь?

– Да, – быстро ответила, даже не задумываясь.

– Дай угадаю: ты хочешь стать детским стоматологом? – усмехнулся.

– Все так. Но я еще думаю, может быть ортодонтом.

– Сложное направление, – сказал, глядя на нее, как будто

мы просто болтаем. Хотя на деле – я изучал ее. Реакции, манеру говорить, то, как она держится с каким-то внутренним фильтром.

Нина пожала плечами.

– Да, но интересное. Я люблю, когда можно что-то исправить, сделать лучше, – задумчиво посмотрела куда-то в сторону, будто сама не до конца верила, что говорила вслух. – С зубами это хоть реально. С людьми в целом сложнее.

Усмехнулся.

– Почти уверен, что в школе ты была отличницей. В комнате у тебя идеальный порядок: в шкафу, на столе, на полках... В телефоне нет информационного мусора, а галерея не забита до отказа всяким дерьмом. Так?

Она посмотрела на меня чуть исподлобья, уголки губ дрогнули.

– Все так, но когда ты говоришь об этом, звучит слегка обидно. Разве это плохо?

– Знаешь, почему я не люблю государственные больницы? – прищурился с хитрецей. – Я терпеть не могу белые стены. Вижу их и знаешь, что мне хочется сделать?

– Замарать?

– Точно! Добавить красок. Я считаю, что белые стены, тишина, порядок все это... до судорог скучно.

Она чуть прищурилась.

– А если это не скучно? А если это... безопасно? Больница... место, где помогут. Нет? Светлое должно вызывать

чувство спокойствия, чистоты. Разве не такие ассоциации?

– Безопасно не значит по-настоящему, – пожал плечами. – Иногда надо что-то изменить, чтобы почувствовать, что ты вообще живой. Ты вот, например, оверправильная, а глаза при этом будто что-то скрывают. словно внутри тебя сидит вторая, не такая пайнька.

– Я ничего не скрываю, – спокойно ответила она. – Просто не всем обязательно знать, что у меня в голове.

– О, а я думал, ты открытая книга. Такая, знаешь, скромница-очаровашка.

– Нет, – коротко. – Все не так, как кажется, на первый взгляд.

– Значит, внутри – бардак?

Она хмыкнула. В лице изменилась. Кажется, я сам того не заметив, задел ее этим. А вот это плохо.

– Не обязательно. Просто не каждый заслуживает доступ.

– А мне?

– А ты пока даже стучаться не начал.

Несколько секунд паузы. Мы молча сверлили друг друга взглядом.

– У тебя, кстати, глаза очень выразительные и красивые, – сказал неожиданно. – Залипательно.

– Ты всем так легко раздаешь комплименты? – вдруг ошетинулась она.

– Нет. Но сейчас захотелось сказать.

Нина отвела взгляд, покрутила в руках чашку. Затем

вновь посмотрела на меня.

– Спасибо, – коротко. – Ладно, мне пора, – поднялась и взяла сумку. – Спасибо за...

– За разговор, – подсказал ей.

Она кивнула. Направилась к выходу и уже на полпути к двери вдруг остановилась.

– Ник, ты странный.

– Правда? – выдал с усмешкой. – И почему же?

– Не знаю, на самом деле. Просто подумала, что... Зачем тебе это все?

Она посмотрела на меня через плечо.

– По-твоему, ты не можешь мне понравиться? – ответил.

Взгляд невольно упал на ее розовые, пухлые губы. Неосознанно облизнул свои. Поднял взгляд и заглянул ей в глаза.

Понял: смутилась и сама испугалась своего вопроса, и моей реакции. Нина почти сразу отвернулась, плечи чуть вздрогнули, будто она пожалела, что вообще заговорила.

– Спасибо еще раз. Я вызову такси, – выдохнула.

– Могу отвезти, – предложил спокойно, без настаивания.

– Нет, правда. Не надо.

Просто стена. Аккуратно выстроенная, почти незаметная, но прочная, как бетон. Она стояла с телефоном в руке, будто боялась, что я стану напирать.

Кивнул. Не стал спорить. На самом деле, мне только на руку. Не хотел бы случайно встретиться с Коробейниковым.

Рано еще.

Вернувшись домой приготовил себе чай, но даже не сделал глотка. Просто сидел в кресле и покачивал кружку в руке, глядя в окно.

“Ник, ты странный”.

Знала бы она насколько... Усмехнулся.

Я мог бы написать ей, спросить, как добралась. Но не стал этого делать. Она должна немного выдохнуть, созреть. Плотное давление с ней, не прокатит.

Утро.

Из динамиков льется *Такер “Как море”*, вырываю из трека строчки:

“И ты поймешь, что наша встреча не случайна

И даже если все закончится печально

Я навсегда запомнил то, как ты смущалась

Ты так смешно целуешься, когда волнуешься, как море

Я захвачу тебя в плен, проникну на территорию твою...”.

Улыбаюсь, думая о том, что они подходят нам с Ниной. Правда, до поцелуя мы еще не дошли. Но это пока. Все будет. Главное, что я точно ее цепляю. Еще в машине заметил, как она тащилась от моей куртки. Просто от куртки. Смешно так. И...

Наверное, мило.

Было ли так с Юлей? Не помню уже. Может, тоже было. Просто память стерла о ней все хорошее, оставив лишь воспоминания о том, какая она дешевая блядь.

Через полчаса паркуюсь недалеко от универа, выхожу и замираю. Со стороны сквера идет Коробейников, а за ним быстро перебирает ножками Нина.

Они останавливаются под старым, раскидистым тополем, остаются под его сенью. Вижу, что Коробейников что-то с улыбкой на лице говорит Нине. Она смеется, толкает его в грудь. Легко так, по-доброму.

Братец не отходит от сестры. Стоит перед ней, чуть наклонившись, слишком близко, слишком интимно. Кажется, что ловит взглядом, каждый взмах ее ресниц, движения ее губ, каждое изменение в ее мимике. Нина смотрит на него снизу вверх. Не делает шаг назад. Не отходит. Не избегает. Смеется. Смотрит в глаза. Кивает. И снова смеется.

И все бы ничего, если бы я не знал, что они “как бы” родственники. Проблема в том, что не так смотрят братья на сестер.

Он поправляет ей воротник куртки. Медленно, будто специально хочет растянуть этот невинный контакт. Нина немного поворачивает голову в сторону.

Чувствую, как внутри что-то сжимается. Неужели... Да ну? Быть того не может... Но я же вижу. У таких вещей энергия другая. Мгновенно чувствую отвращение к этой парочке, отвожу взгляд и двигаю к входу в универ.

Вспоминаю про Ольгу и думаю, что возможно встреча с ней будет не такой уж и бесполезной. Достаяю телефон, набираю ей сообщение:

Я: Привет. Сегодня все в силе. После пар встречаемся на парковке.

Далее пишу марку, цвет и госномер своей тачки.

Оля С.: Привет. Я рассчитывала, что ты зайдешь за мной.

Я: Не дури. Заходить в аудиторию не буду. Куда подойти написал.

Оля С.: Хорошо, но с тебя комплимент. Жду.

Я: Пиздец, ты сучка.

Я: Так пойдет?

Оля С.: Засчитано.

Я: Все. Связь.

Глава 12

Ник

В воздухе универа привычно витает запах антисептика и дешевого кофе. Утро началось, как обычно: пара по хирургии, потом полуторачасовое ковыряние в учебных симуляторах челюстей, где резиновая десна порой больше похожа на вареную курицу. В такие моменты я жалею только об одном, что не послал всех нахер и не пошел в другой универ на “бизнес и управление”.

На паре по челюстно-лицевой все сидели, как зомби. Даже препод говорил будто в замедленной съемке, и сам зевал каждые пять минут. Я не слушал. Уткнулся в экономические паблики и тупо читал новости.

На четвертой паре решил написать Нине.

Я: Привет. Как добралась вчера? Все ок дома?

Нина: Привет. Да, все нормально. Спасибо, за кофе и интересную беседу. Дома тихо.

Я: Это хорошо. Я все ждал – напишешь или нет.

Нина: А ты сам не мог первым?

Я: Мог, но ты что-то говорила про “не все заслуживают доступ”.

Нина: И ты решил, так сразу сдаться?

Я: Да ни за что! Ты ведь как книга. Хочу разгадать тебя.

Нина: А может, я не хочу, чтобы меня разгадывали.

Я: Поздно. Мне уже интересно. Выпьем еще кофе как-нибудь?

Нина: Ты, правда, странный.

Я: Ты, правда, интересная. И, между прочим, у тебя все еще красивые глаза. Своего мнения я не поменяю.

Нина: Ник, ты... капец.

Я: Перевозжу, как “настырный”? Лучшие скажи “очаровашка”, чтобы я расслабился.

Нина: Ты непонятный. Вчера весь вечер, тишина, а сегодня бах и пишешь внезапно. Словно проверяешь, где границы.

Я: Так и есть. Откровенно давить не в моем характере, но ты на самом деле мне интересна, и я хотел бы продолжить общение. Ну так... кофе? Например, завтра?

Нина: Завтра не смогу, я в бассейн иду.

Я: В какой бассейн ходишь? Я тоже плаваю.

Нина: В СКА, а ты?

Я: Не поверишь. Я тоже.

Нина: Правда? В какое время? Какие дни? Удивительно, что мы не пересекались.

Я: Хожу три раза в неделю. Понедельник, четверг и в субботу. В будни почти под закрытие, в субботу рано утром. А ты?

Нина: Я в середине дня и в другие дни. Теперь понятно, почему не видели друг друга.

Я: Ясно. Ладно, не отвлекаю. Жду твоего ответа насчет встретиться еще раз. Хорошего дня.

Нина: Спасибо. И тебе.

Откладываю телефон на край. Утыкаюсь лбом в ладони, локти на столе – поза человека, у которого мозг сгорел к чертовой матери. Нина раздражает до трясушки. Одно неосторожное слово, комплимент и она будто ускользает от меня на несколько метров. Недалеко, но чтобы добраться до нее, надо пройти сквозь зыбучие пески. Типичный подкат с ней нихера не прокатывает.

Потом вновь пошли практические. Косячил только в путь. Сам себя раздражал, но ничего не мог с этим поделаться. Выдохнул, только когда прозвенел последний звонок. Собрался и направился на парковку, чтобы встретиться с Олей.

Издаലെка замечаю светловолосую девушку, что ходит взад-вперед около моей машины.

Сегодня она “сама невинность”. На макушке волосы собраны в небрежный пучок, скромное платье, почти как у монашки. Но глаза все равно выдают стервозную суку.

– Привет, – бросаю, как только подхожу к ней.

Оля резко оборачивается. Улыбка на ее лице появляется почти моментально. Искренняя, кстати.

– Наконец-то, – говорит она, подходя ближе и едва заметно приподнимаясь на носках, будто хочет поцеловать.

Тут же делаю шаг назад.

– Оля... Лишнее.

– Долго я тебя жду, между прочим. Так что ты мне должен.

Мог бы и поцеловать.

– Поехали? – игнорирую ее капризы и открываю дверь.

Она усаживается, демонстративно скрещивает ноги, как будто напоказ. Знает, как подать себя. Но мне сегодня вообще все не то. Ни подача, ни тем более она.

– У тебя какое-то лицо... – щурится на меня. – Проблемы?

– Не-а. Просто день такой. Все через жопу, – завожу двигатель и трогаюсь с места.

Молчим пару минут. Но, в конце концов, она первой не выдерживает:

– Куда мы едем? В кафе или... к тебе? – усмехается с кокетством.

– Пообедаем где-нибудь, – бросаю без энтузиазма. Плевать куда. Хоть в “Макдак”. Ладно, с заведением, я, конечно, погорячился. Отвезу ее в нормальное место.

– Не хочешь поговорить?

– Если о Нине, то – очень, а так – не особо.

– Коротко, ясно, по-мужски, – бурчит она. – Даже по-хамски. Но, спасибо, что честен. Ты всегда такой с девушками или только со мной?

– Весла отпусти, Оль. Далеко загребла, – произношу нейтральным тоном. – То, что ты придумала себе свидание, это лишь твой сценарий. Меня интересует Нина. Ты – нет. Но я подыгрываю тебе. Кстати, стервы и альфа-самки не в моем вкусе, – поворачиваюсь на нее и ухмыляюсь.

Она смотрит на меня пристально. Глазами прошивает на-

СКВОЗЬ.

– Лучше быть стервой, чем твоей тупой овечкой.

– Под “овечкой” ты, конечно же, подразумеваешь Нину? – бросаю на нее короткий взгляд.

– Я ничего не говорила, но и не отрицала.

– Она не такая, кстати, – тут же бросаю ей в ответ.

Паркуюсь около дорогого ресторана русской кухни.

Выхожу из машины и жду, когда Оля тоже выйдет, но она упрямо продолжает сидеть на пассажирском сидении. Не выдерживаю, иду в ее сторону, открываю дверь.

– Серьезно? – поднимаю бровь. – У тебя “лапки” и сама выйти не можешь?

– Абсолютно, – улыбается в ответ, сгибает руки в локтях и демонстрирует свои ручки, словно зайка. Затем недовольно фыркает и выходит из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.